

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ТИХИЙ
ОСТРОВ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Тихий остров (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Тихий остров (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

На одном из Курильских островов под названием Тихий стали массово погибать люди. Они тонули, выпадали из окон, бросались под машины, травились и умирали от сердечных приступов так часто, что остров в какой-то момент стал объектом пристального внимания столичных властей. Генералу Орлову приказано в срочном порядке разобраться с чертовщиной, которая творится на Тихом, и он отправляет на Дальний Восток лучших московских сыщиков – Льва Гурова и Станислава Крячко...

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Тихий остров	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Леонов, Алексей Макеев

Тихий остров (сборник)

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Тихий остров

Глава 1

– Таким образом, благодаря слаженной, добросовестной работе наших правоохранительных структур и содействию зарубежных коллег за минувший год нам удалось ликвидировать более десятка крупных организованных преступных сообществ, связанных с международным криминалом. – Докладчик с четырьмя генеральскими звездами на погонах сделал паузу, окинул взглядом обширную аудиторию и продолжил: – Особо хотелось бы отметить наше Главное управление, лично генерал-лейтенанта Орлова, а также его ведущих оперативных сотрудников – полковников Гурова и Крячко.

Петр Орлов, занимавший место даже не в первом, а всего лишь в третьем ряду, незаметно толкнул локтями Льва Гурова и Станислава Крячко, сидевших рядом с ним, своих подчиненных и старых друзей. Он как бы желал сказать: «Уловили, голубчики, как ценит нас министр?»

Те, сдерживая ироничные улыбки, коротко переглянулись и мысленно констатировали примерно одно и то же: «Ух как разлимонило нашего Петруху! Цветет и благоухает!» Уж им-то куда лучше, чем многим другим, была знакома и сладость успеха, и горечь неизбежных неудач.

Здесь, в одном из лучших залов столицы, на международной конференции по противодействию транснациональной организованной преступности, куда их чуть ли не под конвоем притащил Орлов, намечалось принятие обширной программы. В ее разработке должны были принять участие и полковники, только что похваленные с высокой трибуны.

Впрочем, напористое желание Петра задействовать в бумажной, рутинной работе и своих сотрудников было не случайным. Уж кто-кто, а они-то умели видеть подводные камни нестыковок и недоработок нормативных документов, которые порой играли не стимулирующую, а тормозящую роль в борьбе с преступностью.

Как, например, это было в ходе расследования дела КИФ «Пламя-Дельта», когда Льву и Стасу пришлось искать талантливого конструктора Вертянина, взятого в заложники. Да и в недавнем деле криминальной компании «Рог изобилия» прорехи в законах сыграли свою весьма негативную роль.

Минувшей зимой в энное число торговых точек Москвы и всего региона в целом откуда-то из-за бугра были завезены сотни декалитров очередной новинки под названием «Блистающий». Как трактовалось в рекламе любого рода, бодрящий и тонизирующий напиток обладал массой достоинств при полном отсутствии недостатков.

Этот новый энергетик, расфасованный в алюминиевые банки различной емкости, и впрямь обладал несколько необычным, загадочным вкусом. Поэтому очень скоро он стал дико популярен среди немалого числа молодежи. Особенно студенческой. Он как нельзя лучше по утрам прочищал мозги, забитые токсичными отходами после вчерашней попойки, затянувшейся за полночь.

Через пару месяцев после презентации «Блистающего» в Москве произошло не самое примечательное, хотя в известной мере громкое и трагичное событие. Поздним вечером из окна своей квартиры выбросился Аркадий Доронцов – ведущий эксперт федеральной службы, призванной контролировать качество и безопасность продуктов питания, ввозимых в Россию. Поскольку квартира погибшего находилась на девятом этаже, полет из окна, разумеется, закончился мгновенной смертью.

Никто, конечно же, и не задумался бы о незримой связи, существующей между этими двумя событиями, если бы не вдова погибшего. Вопреки категоричному заключению местных

правоохранителей, сразу же признавших трагедию, происшедшую с ее мужем, заурядным суицидом, она стала добиваться дополнительного расследования.

Поскольку ни полиция, ни прокуратура не очень спешили копаться в деле, бесспорном для них, она обратилась напрямую в главк угрозыска. Да еще и лично к генералу Орлову. Они ведь когда-то учились в одной школе, пусть и с разницей в несколько лет.

Петр поручил это щекотливое расследование своим самым надежным и опытным специалистам – Гурову и Крячко. Те вначале выразили сомнение в значимости данного дела для общественной безопасности, заявили, что и без него всякого геморроя пруд пруди, но в конце концов согласились изучить хотя бы обстоятельства произошедшего.

Вот тут-то им и бросились в глаза некоторые, мягко говоря, шероховатости, допущенные в ходе предварительного расследования. Их районные коллеги уподобились школьным троечникам, подгоняющим решение задачи под готовый ответ. Они заранее сделали вывод о добровольном уходе Доронцова из жизни и проигнорировали целый ряд очень даже спорных моментов.

Прежде всего сыщиков насторожило то обстоятельство, что в тот вечер эксперт, как нарочно, остался дома совершенно один. Во-вторых, осмотрев место происшествия, окно, из которого он выбросился, а также изучив схему положения тела на тротуаре, они поняли, что и здесь не все гладко.

По версии опергруппы, проводившей осмотр квартиры Доронцовых, Аркадий вошел в кухню, встал на подоконник и прыгнул во двор. Однако, по мнению Льва Гурова, при том положении тела, каким оно было на схеме, упасть Доронцов мог, лишь перевалившись через подоконник и спикировав вниз головой. Тем более что в заключении судмедэксперта четко и однозначно было отмечено раздробление теменной и других костей черепа, а также переломы и смещение шейных позвонков.

Потом Стас вдруг проявил запредельную дотошность, вроде как не очень-то характерную для него. На краю наружной стороны оконного проема он обнаружил крохотное, едва заметное волокно ткани. Экспертиза установила, что оно вырвано из брюк Аркадия Доронцова. Всем стало окончательно ясно, что дело это и вправду темное, поэтому нуждается в куда более тщательном расследовании.

Сыщики углубились в изучение обстоятельств гибели эксперта и довольно быстро сумели найти очень занятную информацию. Полковники опросили домочадцев Доронцова, выяснили, где они были тем трагическим вечером, и сразу же поняли, что их отсутствие вряд ли было случайным. Его кто-то искусно организовал. Скорее всего, именно тот, кто был заинтересован в смерти эксперта. Его коллеги заверили сыщиков в том, что он был человеком принципиальным и неподкупным.

Почему-то именно в тот вечер невесть откуда объявилась старая знакомая жены Доронцова. Эта дама не появлялась на горизонте уже лет десять, а тут вдруг уговорила супруга Аркадия завернуть к ней в гости на чаек.

Оба сына потерпевшего – студенты столичных вузов – и вовсе оказались участниками бурных посиделок. Парни долго не хотели сознаваться, говорить правду, всячески изворачивались и выкручивались. Но сыщики провели отдельный допрос и уличили хлопцев в нестыковке деталей их показаний. Гуров и Крячко все же заставили молодых людей рассказать, что же происходило тем вечером на самом деле.

Как оказалось, за день до гибели отца, вечерней порой, они пошли в молодежное кафе, где частенько тусовались в среде своих сверстников. По пути, в едва освещенном переулке, они заметили, что пара подпивших гопников нагло, даже гнусно пристает к двум хорошеньким девочкам.

Братья, разрядники по силовым единоборствам, проявили участие и сочувствие. Они в момент вразумили наглых, но довольно хилых хулиганов. Те вовремя поняли, что сейчас их обязательно побьют, и предпочли дать деру.

Девушки явно почувствовали симпатию к своим спасителям. Они рассказали, что приехали из Питера в гости к приболевшей тете, за которой теперь ухаживают. Этот вечер в кафе они провели вместе. Братья даже не предполагали, что уже на следующий день новые приятельницы пригласят их к себе в гости.

Как пояснили питерские очаровашки, их тетю ненадолго положили в стационар на процедуры, и было бы грешно не воспользоваться выдавшейся возможностью. Этот вечер, к неопи-сваемому восторгу парней, превзошел их любые, даже самые смелые ожидания. Девушки разгорячились от вина и проявили такую раскованность и свободу от некоторых предрассудков, что веселые посиделки стремительно переросли в не менее занимательные «полежалки». В ход пошли ролевые игры со сменой партнеров.

Опомнились парни уже ближе к полуночи, когда на номер старшего позвонила мать и сообщила о трагедии, случившейся с отцом. Пребывая в прострации от услышанного, братья наскоро оделись и опрометью помчались домой. Они договорились никому не рассказывать о своем приключении не самого пристойного пошиба. Сыновья боялись осуждения со стороны матери, мнением которой очень дорожили.

Тут же, не теряя времени, были составлены фотороботы девушек. На квартиру, где проживала их тетя, отправился Станислав Крячко, который выяснил, что таковой там не было и в помине. Данная жилплощадь сдавалась посуточно всем желающим. В документы нанимателей, разумеется, особо никто и не заглядывал.

В это же время ведущий сотрудник информационного отдела главка капитан Жаворонков проработал базы данных полиции нравов. Он установил, что эти так называемые гости из Питера на самом деле – столичные ночные бабочки. Девушки промышляли у одной из крупных гостиниц.

Дальнейшая проверка показала, что барышни с некоторых пор внезапно исчезли. Гуров заподозрил недоброе и распорядился проверить неопознанный контингент городских моргов. Его догадка оказалась верна. За пару дней до этого на одном из пустырей за МКАДом были обнаружены трупы двух молодых женщин без одежды и документов. Обе были убиты выстрелами в голову.

Крячко занялся розысками приятельницы Доронцовой и нашел бедняжку в больнице, с тяжелой черепно-мозговой травмой. Чуть ли не середь бела дня какой-то отморозок в подъезде ее же дома проломил женщине голову увесистым обрезком толстой арматуры. В момент нападения на лестничную площадку вышел один из соседей потерпевшей, здоровенный мужик двухметрового роста. Лишь поэтому подонок не успел нанести второй удар, который гарантированно стал бы смертельным.

Стас побеседовал с женщиной и установил, что дней десять назад ее пригласили на работу в некую небольшую торгово-посредническую фирму, где предложили место главбуха. Через несколько дней новую сотрудницу пригласил к себе директор. Он посетовал на то, что эксперт Доронцов якобы причиняет их бизнесу немало хлопот, и попросил ее встретиться с женой несговорчивого чиновника. Директор заявил, что она могла бы воспользоваться былым знакомством с женой Доронцова и через нее разрулить некоторые сложные вопросы.

Обещание крупной, многотысячной премии стало решающим доводом. Женщина согласилась выполнить это деликатное поручение. Ностальгическое чаепитие состоялось. На следующий день она пришла на работу и обнаружила, что офис фирмы почему-то закрыт, телефоны не отвечают.

Этим же днем она узнала о том, что случилось с мужем Доронцовой. Женщина поняла, что стала участницей какой-то темной игры, и решила никуда по этому поводу не обращаться. Она молчала и даже не предполагала, что ее все равно решат убрать.

Сыщики проверили все экспертные заключения, которые за последнее время написал Доронцов. В поле их зрения попала торговая компания «Рог изобилия», поставлявшая в Россию энергетик «Блестающий». Они нашли и заключение, написанное Аркадием Доронцовым. Тот писал, что данный напиток представлял собой весьма серьезную угрозу для здоровья его потребителей. Доронцову удалось выяснить, что в составе импортного пойла имелись компоненты, которые при даже не самом длительном применении приводили к бесплодию и вызывали онкологические заболевания.

Кроме того, одна из сотрудниц контрольного управления вспомнила, что незадолго до беды, случившейся с экспертом, ему несколько раз кто-то звонил. Скорее всего, этот тип предлагал заключить какую-то сделку. Но Доронцов всякий раз реагировал на это достаточно жестко. Он категорически отказывался от того, что, судя по всему, предлагал ему неведомый доброхот.

Гуров и Крячко собрали достаточный объем информации и очень скоро установили заказчика убийства. Да, это был вовсе не суицид или несчастный случай. Киллер пробрался в квартиру эксперта, оглушил его и выбросил в окно. Убийцу нанял некий криминальный делец, однажды уже отбывавший срок за поставки в Россию просроченных продуктов, уклонение от уплаты налогов и иные, не менее темные делишки. При этом обнаружилось, что деятельность «Рога изобилия» была тесно связана с подобными ей зарубежными криминальными шарашками.

Следовало полагать, что за всей этой аферой таились некие персоны, обладавшие очень даже нехилыми возможностями. Хозяин криминальной компании, помещенный в «Лефортово», на следующий же день после ареста отчего-то умер. Никаких внешних причин, которые способствовали бы его преждевременной отправке в мир иной, вскрытие не установило. Другими словами, он скончался «просто так». Во всяком случае, ни следов удушения, ни яда в его крови обнаружено не было. Судмедэксперты считали, что умерший делец, скорее всего, был заранее зомбирован на самоуничтожение в случае ареста.

К досаде Льва и Станислава, иностранным коллегам криминального предпринимателя без особых проблем удалось отвертеться от ответственности. Адвокаты сумели использовать прорехи в российском УК. Они убедили суд в том, что их подзащитные – люди цивилизованные и абсолютно законопослушные. Нет никакой нужды брать под стражу. Иначе может разразиться очень громкий международный скандал.

Гуров и Крячко предоставили убедительные доказательства прямой причастности иностранцев к физическому устранению как Доронцова, так и босса «Рога изобилия». Судья не принял их в расчет и оставил подозреваемых на свободе под не самый крупный залог в сто тысяч баксов. Он не учел даже позицию гособвинения, требовавшего взять иностранцев под стражу. В итоге, как и следовало ожидать, оба цивилизованных, законопослушных иностранца куда-то бесследно исчезли прямо в тот же день.

Приводя примеры грамотного подхода к раскрытию запутанных дел, министр упомянул о разоблачении «Рога изобилия» сотрудниками главка. Тут Орлов в очередной раз толкнул приятелей локтями. Мол, круто, да?

Едва сдержав смех, Лев чуть слышно шепнул ему на ухо:

– Да успокойся ты! У нас уже все бока в синяках!

Но на выручку Петру тут же пришел Станислав.

Он пригнулся пониже и прошептал так, чтобы его слышали только Гуров и Орлов:

– Да и хрен с ним, пусть дерется. Это пустяки! Вон, поглядите, справа двое сидят. Они-то, блин, чем занимаются?

Лев и Петр чуть приподнялись, заглянули на следующий ряд и едва не затряслись от хохота. Два представителя европейских стран прижались плечом к плечу, расплылись в блаженной улыбочке и нежно поглаживали друг друга. Соседи этой парочки, судя по гарнитуре, воткнутой в уши, тоже были представители Запада. К этой пикантности они относились совершенно безразлично. Цивилизация, однако!

По завершении речей наконец-то был объявлен большой перерыв. Лев и Станислав спустились в кафе, где решили подкрепиться. Они заказали себе двойной кофе. На последних минутах совещания оба едва не уснули под скучнейшую речь одного из представителей Западной Европы. Тот нестерпимо долго переливал из пустого в порожнее, без конца упоминал общечеловеческие ценности. Петр Орлов вместе с другими генералами и главами иностранных делегаций на ту пору отбыл куда-то на особый фуршет.

Попивая кофе и пережевывая бутерброды, приятели обсуждали итоги только что состоявшегося пленарного заседания, от души хохотали над сладкой парочкой иноземных голубков. После перерыва работа намечалась по отдельным секциям. Гурова включили в группу, которой предстояло обговорить вопросы контроля за потоками финансов сомнительного происхождения. Стасу выпало участвовать в обсуждении темы о торговле людьми, насилии, как уличном, так и семейном, над женщинами и детьми и путях профилактики подобных преступлений.

Неожиданно к их столику подошел, судя по чертам лица, молодой японец, с небольшим подносом в руках. Гость из Страны восходящего солнца вежливо улыбнулся и на ломаном русском поинтересовался, может ли он присоединиться к уважаемым господам коллегам. Те разом кивнули в ответ и уведомили этого человека, что их он никак не стеснит.

Проворно орудуя палочками, японец резюмировал, что здешние повара, хоть они и не японцы, традиционные блюда его родной страны готовят не хуже, чем где-нибудь в Токио или Иокогаме. Он посетовал на то, что на форуме не удалось выступить главе японской делегации. Кстати, не только ему. На трибуну хотели попасть около тридцати человек при явном дефиците времени.

Потом японец, назвавшийся Кано Эмигути, сокрушенно отметил рост криминала во всем мире.

– У вас в России тоже растет преступность, – особо выделил он, многозначительно покачав головой. – Много убийств, мошенничества. Вам трудно работать. Я понимаю!.. Русская мафия сегодня очень сильна, с ней трудно бороться.

– Вам с якудзой проще? – осведомился Гуров и сдержанно улыбнулся.

– Якудза уже не та, что была двадцать лет назад. Сегодня она намного слабее. – Кано Эмигути горделиво взглянул на своих визави, словно это он сам, единолично, довел якудзу до полного рахита. – Мы контролируем каждый ее шаг. Она не смеет причинять людям большое зло. Еще немного, и якудза уйдет в историю.

– Вы так думаете? – Лев Иванович иронично прищурился. – Насколько мне известно, помимо якудзы, у вас сейчас еще и китайские триады активизировались. Думается, этот хищник поопаснее. Мы с триадами сталкивались уже не раз. Что вы на это скажете?

Помявшись, японец был вынужден согласиться:

– Да-да, такое тоже имеет место быть. Но мы потому и не ликвидируем полностью якудзу, чтобы она конкурировала с триадами и противостояла китайцам. – Судя по всему, тема национальной преступности его основательно задела, поэтому он с задумчивым видом добавил: – У вас большой процент сексуальных насилий над женщинами и детьми. Осень высокий!

– Это у нас-то?! – Станислав саркастично усмехнулся. – Да, спорить не будем. У нас и в самом деле хватает подобной гнуси. Но вот если взять реальные данные по скрытой преступности, то тут еще надо подумать, у кого ее больше. В Японии, насколько мне известно, люди больше всего боятся потерять лицо. Правильно? Поэтому слишком многие женщины и родители пострадавших детей попросту скрывают от полиции факт свершившегося насилия.

– Кстати, именно в Японии, а не в России впервые появились специальные вагоны метро для женщин, – Гуров выразительно посмотрел на Кано Эмигути, как бы желая сказать: «Уж это-то ты отрицать не будешь!» – Именно потому, что японки, которых их соотечественники нагло лапают в переполненных вагонах, молча терпят подобные домогательства, вместо того чтобы дать пощечину негодяю.

Потом Лев Иванович напомнил господину Эмигути про ситуацию на Окинаве, которая уже давно стала раем для насильников. Согласно некоторым данным, там их столько, что полиция давно уже хватается за голову – как справиться с этим «девятым валом»? Не говоря об американских военных базах, персонал которых регулярно устраивает групповухи, причем совершенно безнаказанные. Даже если на кого-то и поступает заявление, то насильника всего лишь штрафуют или переводят служить на другую базу.

– Это ложная информация! Вам говорили неправду! – возразил Кано Эмигути, который уже заметно начал нервничать.

– А у вас только правду говорят?! – Крячко сделал глоток кофе, уже остывающего, и язвительно хохотнул: – О какой правде речь, если вашим детям внушают, будто это не американцы, а русские сбросили на мирное японское население атомные бомбы?! Ну и где ваша национальная гордость?

– Да-да. – Японец поправив очки в тонкой оправе и огорченно кивнул. – Это большая политика. Ее нельзя назвать очень чистым делом. Но Россия тоже участвует в оккупации Японии, ее исконных земель. Зачем она это делает? У России небольшое население и огромная территория. Почему она не хочет пойти навстречу японскому народу?

В ответ на это русские, к его удивлению, дружно рассмеялись.

– Да, если ведешь разговор с японцем, то никак нельзя обойти тему северных территорий! – иронично резюмировал Лев Иванович. – Слушайте, Эмигути-сан, я могу подсказать вам идеальное решение этой проблемы. Надо не нам Курильские острова отдавать Японии, а ей самой целиком войти в состав России.

Услышав подобный пассаж, японец недоуменно захлопал глазами. Судя по всему, эти слова его просто ошарашили.

Он некоторое время молчал, явно не находя слов, после чего торопливо заговорил:

– Это невозможно! – Японец пожал плечами, потряс головой. – У нас суверенная страна, свой государственный строй. В Японии правит император!..

– Ну и что? – с ходу уловив мысль Гурова, подхватил Станислав. – Россия может гарантировать Японии полную автономию, сохранение всех элементов ее государственности. В том числе и функционирование монарха. Пустяки! Зато вам-то какие выгоды! Став японо-россиянами, вы сможете селиться на Курилах, на Камчатке, на Сахалине. Без проблем! А случись Японии уйти под воду – что вполне может произойти в любой момент, – вам хоть будет где спастись.

Похоже, идея, экспромтом выданная русскими коллегами, несмотря на всю ее фантастичность, не оставила равнодушной их собеседника.

Он уважительно посмотрел на своих соседей по столу, в напряженном раздумье почесал кончик уха, сокрушенно вздохнул и заявил:

– Но у нас есть союзнические обязательства перед Америкой.

– Разве это проблема? – Гуров приятельски хлопнул его по плечу. – Вопрос с американцами мы быстро разругаем. Так что думайте! Вэлком ту Раша! – Он подмигнул.

– Очень любопытная мысль! Спасибо за интересную беседу! – Кано Эмигути раскланялся с каждым собеседником по отдельности.

Он направился к выходу и по пути пару раз озадаченно поглядел на этих ироничных русских крепышей.

Когда японец скрылся за дверью, приятели дружно рассмеялись.

– Ну, Лева, ты его и озадачил! – Стас покрутил головой. – Кстати! А вдруг японцам эта идея придется по вкусу и они надумают ее реализовать? Что делать-то будем?

– Стас, кто им позволит? Нет уж, уважаемый Эмигути-сан, такого не будет! – Гуров уверенно махнул рукой.

Лев Иванович пришел в малый конференц-зал на заседание своей секции и сразу же записался в число выступающих. К этому моменту он уже успел ознакомиться с рабочими документами, с ходу обнаружил немалое число ляпов и даже нелепиц в проекте постановления. Внешне оно выглядело абсолютно антикоррупционным. Однако крупные международные корпорации заведомо ставились в особое, привилегированное положение, тогда как субъекты экономики отдельных стран, наоборот, оказывались в роли без вины виноватых.

Как Лев и ожидал, большинство выступающих, словно сговорившись, вели речь о значимости предложенного проекта и необходимости принять без корректировки. Мол, все и так замечательно. Нечего ловить блох, особенно если их нет!

Поэтому, когда слово было предоставлено ему, он сразу же уведомил присутствующих, что намерен серьезно раскритиковать проект и потребовать внесения в него существенных поправок. Это настолько расходилось с рутинным ходом мероприятия, что в зале тут же смолкли шепотки и шушуканья. Все дружно воззрились на рослого русского полковника, который оказался не только завидным здоровяком, но еще и незаурядным интеллектуалом.

Лев Иванович окинул аудиторию насмешливым взглядом и продолжил:

– К сожалению, господа, в данном проекте имеются не только блохи, но и кое-что покрупнее, способное в перспективе существенно облегчить жизнь транснациональной саранче.

При его последних словах кое-где вспыхнул смех, даже раздались сдержанные аплодисменты. Чтобы пояснить свою мысль, Гуров привел в качестве примера положение о праве международных правоохранительных структур проверять и даже блокировать счета предприятий, фирм и компаний, заподозренных в содействии отмыванию криминальных денег. Он заметил, что в постановлении никак не определено, о каких же именно структурах ведется речь. Это Интерпол или правовые подразделения ООН? Может, имеется в виду американское ФБР?

Лев Иванович заявил, что в проекте крайне расплывчато и неопределенно трактовалось положение о праве транснациональных корпораций давать неполную информацию о своей деятельности и допускать лишь выборочные проверки своих филиалов. В то же самое время субъекты экономики развивающихся стран были полностью подотчетны международным проверяющим. Любой отказ от аудита автоматически навлекал на них всевозможные кары.

– Мне кажется, этот проект писался под диктовку транснациональных корпораций, заинтересованных в том, чтобы под благовидным предлогом устранить своих конкурентов и установить полную финансовую гегемонию, – особо подчеркнул Лев Иванович, завершая свое выступление.

Он даже не ожидал града вопросов, заданных ему участниками мероприятия. Тэд Кастлер, долговязый улыбчивый американец, ведущий совещание, после выступления Гурова отчего-то сразу же заметно погрузтел. Он только и успевал призывать к порядку да напоминать о регламенте. Судя по всему, мистер Кастлер был разочарован ходом обсуждения столь важной темы. Наверное, оно ему виделось совершенно иным.

Японец Кано Эмигути, уже знакомый Льву Ивановичу, тоже оказался в составе этой секции. Он заявил о том, что вполне разделяет мнение Гурова.

Тут американец замахал руками в знак протеста, поднялся и заговорил:

– Леди и джентльмены! Проект постановления готовился учеными-правоведами, и вносить в него изменения вот так, на ходу, – это нонсенс! Для этого нужно дополнительное время, чтобы каждый пункт, предложенный господином Гуровым, мог быть детально обсужден и осмыслен.

– Секунду! – Лев Иванович вскинул руку и тоже поднялся со своего места. – Во-первых, мы принимаем не законопроект, а лишь фрагмент коммюнике, которое и должно будет стать ориентиром для парламентов, принимающих те или иные законы. Если мы одобрим, образно говоря, кривое постановление, то хромать на четыре ноги будет и все коммюнике. Попрошу поставить внесение поправок на общее голосование.

Председательствующий кисло поморщился и неохотно предложил присутствующим выразить свое отношение к пакету поправок, внесенных представителем российской стороны. Итоги голосования окончательно добились его. Почти все участники мероприятия, за исключением представителей Польши и Швеции, дружно подняли руки.

Работа той секции, куда попал Станислав Крячко, оказалась не менее бурной. Если не более. Стас по своей натуре был человеком эмоциональным, даже излишне горячим, чрезвычайно щепетильным в вопросах отношения к женщинам и детям. Он с полпинка набрал обороты и яростно включился в дискуссию, посвященную как обычному, уголовному сексуальному насилию, так и транснациональной торговле живым товаром.

Да и было с чего завестись! На заседании председательствовал представитель Нидерландов, кстати один из тех двоих голубков. В своем выступлении он целиком и полностью поддержал либерально-толерантные тенденции современного западного мироустройства. По его словам, пришла пора отказаться от патриархальных взглядов на мир. С его точки зрения, такие понятия, как «сексуальное насилие», «растление малолетних» и «педофилия», уже устарели. Их следовало вывести из использования в правовой терминологии и заменить на современные.

В частности, он предложил забыть грубое, тяжелое слово «изнасилование» и употреблять вместо него не столь шокирующий термин «интимная связь по односторонней инициативе». Понятие «педофилия», по его мнению, тоже уже не соответствовало веяниям эпохи. Всякую интимную связь с малолетними, по его мнению, следовало бы считать своего рода спонтанной инициацией ребенка во взрослую жизнь, особенно если тот стал жертвой гомосексуалиста! Голландец заявил, что подобное деяние следовало бы считать подсудным только тогда, когда оно вызвало какие-то негативные последствия. Их наличие должно быть доказано авторитетной врачебной комиссией!

Он высказался за введение крупных штрафов для международных сутенеров, торгующих женщинами и детьми. Финансовые санкции должны заменить тюремное заключение и особенно смертную казнь, применяемую к таковым преступникам в ряде стран мира. По его мнению, этот вид уголовщины является чисто экономическим. Поэтому наказываться он должен только так, материально.

У Стаса, вынужденного слушать подобное извращенное словоблудие, разве что пар не шел из ушей. Едва представитель Страны тюльпанов закончил свой вводный спич, Крячко, не дожидаясь никаких очередей, вскочил с кресла и заговорил. Он изо всех сил старался не добавлять в свое пламенное выступление общеизвестных русских аргументов из непечатного лексикона.

Прежде всего Крячко объявил вопиющим кощунством, даже настоящим сатанизмом правовое уравнивание банальной кражи кошелька и насилия над личностью, особенно ребенком. Торговлю людьми, тем более несовершеннолетними, он предложил карать самым суровым образом – пожизненными сроками или смертной казнью.

– В чьих извращенных, тупых мозгах могла появиться аморальная идея наказывать денежными штрафами за фактическую работорговлю?! – прорычал Станислав, испепеляя взглядом голландца, субъекта неопределенного возраста с женственными манерами.

Подобный подход Стас назвал пещерной дикостью, которую пытаются вырядить в современные одежды. Крячко не оставил камня на камне от аргументов голландца. Он указал на то, что в западных странах всю пропагандируется разрушение такого важнейшего социального

института, как семья. Там искусственно насаждается гомосексуализм. Все это и стало питательной средой для культивации подобного торгашеского подхода к вопросам законности и нравственности.

– Если бы вашего ребенка подверг насилию какой-нибудь педофил, как вы отреагировали бы на это? А если бы вашу дочь кто-то продал в сексуальное рабство? – уперев руки в бока, свирепо спросил Стас окончательно скисшего председательствующего. – Неужели вы потребовали бы за это материальную компенсацию? А может, еще и поблагодарили бы подонка за инициацию, совершенную им? Что молчите?

– Господин Крячко! – Голландец недовольно скривился, всем своим видом давая понять, что оппонент, с его точки зрения, излагает совершенно бредовые мысли. – Мне ясна ваша позиция, но и вы тоже должны бы понять, что жизнь на месте не стоит и мир совсем уже не тот, что был ранее. Он радикально изменился. Вам необходимо принять это как данность, уйти от своих устаревших догматичных представлений о жизни. Да, лет сорок назад даже в Европе мужской гомосексуализм был наказуем законом. Но жизнь показала порочность подобной точки зрения, и теперь представители ЛГБТ-сообщества имеют равные со всеми права. На цивилизованном Западе они могут создавать семьи и даже усыновлять брошенных детей.

– Брошенных или отнятых у нормальных семей алчными представителями ювенальной юстиции? – Стас саркастично рассмеялся. – Равные права!.. О чем вы изволите говорить, если сегодня на Западе нормальные, психически здоровые люди даже не имеют права возражать против наглой саморекламы ЛГБТ-сообщества, упомянутого вами в восторженном тоне? На этот случай в ряде стран Запады есть даже статьи Уголовного кодекса, карающие за неприятие однополых отношений. Или вы скажете, что я вру?

Растерянны подергивая плечами, голландец нервно, уже с нотками истеричности, выпалил:

– Господин Крячко, я попросил бы не использовать площадку этого форума для ведения разнузданной гомофобской пропаганды!

– Господин Ван Беллерс! – Стас посмотрел на своего оппонента в упор, с насмешкой и явным сожалением. – Я бы тоже попросил вас воздержаться от неприкрытой гомопропаганды. Кстати, у нас в России она запрещена законом, и за нее полагается нести уголовную ответственность.

В аудитории настала мертвая тишина. Все участники заседания ошарашенно смотрели на этого плечистого мужчину с воловьей шеей. Кое-кто поглядывал на него даже с завистью. Этот русский человек, он мог свободно рассуждать о том, о чем на либеральном и демократичном Западе с некоторых пор говорить стало небезопасно.

Крячко выдержал некоторую паузу и категорично объявил:

– Считаю необходимым проект постановления переработать полностью. Положения, содержащие хотя бы частичное оправдание насильников, педофилов и работорговцев, независимо от их ориентации, из текста убрать. Тезис о возможности отделаться штрафом – вычеркнуть как аморальный. Насильник и работорговец, безусловно, должны компенсировать моральный ущерб, нанесенный ими потерпевшим, но это никак не освобождает их от тюремной отсидки.

– Господин Крячко! – Со своего места нервно сорвалась представительница Норвегии госпожа Лильсен. – Дважды за одно и то же не наказывают!

Крячко с сожалением покачал головой и иронично обронил:

– Мне думается, что, глядя на торжество толерантной либерастии, оккупировавшей вашу страну, викинги, ваши предки, наверняка переворачиваются в гробах. – Стас спокойно опустился на свое место и с интересом оглядел крайне озадаченную аудиторию.

Председательствующий повертелся на своем стуле, почесал за ухом и растерянны поинтересовался:

– Кто еще желает выступить? Хотя я не уверен в том, что таковые найдутся. Ведь господин Крячко пригрозил нам, заявил, что всякий человек, позитивно высказавшийся о представителях ЛГБТ-сообщества, в России может быть репрессирован.

Но в этот момент со своего места поднялась блондинистая дама лет сорока с приятными, выразительными чертами лица. Она заговорила по-немецки. Стас, снявший было наушник, через который передавался синхронный перевод, поспешил вернуть его на место.

– Кристина Шнайдер, – представилась участница дискуссии и одобрительно взглянула в сторону Стаса. – Я не скажу, что во всем согласна с господином Крячко, но полностью поддерживаю его тезис о недопустимости уравнивания сексуального насилия, тем более над детьми, с кражей кошелька или угоном автомобиля.

Женщина рассказала о своей племяннице. Девочке было двенадцать лет, когда она стала жертвой насилия двоих мигрантов из североафриканского региона. Ей сейчас восемнадцать, но ее психика так и не восстановилась. Она до сих пор живет на антидепрессантах. Из-за травм, полученных тогда, она не сможет родить. Федеральный суд учел фальшивое раскаяние насильников и такой фактор, как психические травмы, якобы полученные ими в прошлом в результате гомосексуального насилия. Негодяи получили смехотворный срок.

– Сегодня они уже на свободе, – с горечью отметила Кристина Шнайдер. – Уверена, что еще не один ребенок может стать их жертвой. Поэтому я выступаю за предложение господина Крячко, в том числе и в плане ужесточения наказания за продажу людей в секс-рабство и на трансплантаты. Я считаю вопиющим тот факт, что косовские работорговцы, виновные в смерти сотен сербов, похищенных и убитых для продажи их органов, остались безнаказанными. Подобное всепрощение недопустимо!

Участники мероприятия словно отошли от какой-то одури, как-то сразу задвигались, заговорили. Итальянец Фабиоли, француз Леббер, испанец Максо высказали несогласие с исходным проектом решения.

Австриец Болль, парень спортивного вида в интеллигентных очках, в своих суждениях пошел дальше всех.

Он полностью поддержал Станислава и добавил от себя:

– Господа! Мы ведь с вами все прекрасно сознаем, что культивация гомосексуализма и фактическое поощрение педофилии – это путь к пропасти, куда может рухнуть наша европейская цивилизация, если этот губительный процесс не остановить. Наверняка, вернувшись домой, я буду ошельмован как нетолерантный гомофоб, но все равно выскажу свое мнение. Русские сделали абсолютно правильно, поставив законодательный барьер на пути нравственного распада, ведущего к депопуляции народа. Я не знаю, кому это выгодно, но чувствую, что за всеми этими псевдолиберальными тенденциями попустительства извращенцам и работорговцам копошатся какие-то мрачные, потусторонние тени.

– Если вам так нравится Россия, то просите здесь вид на жительство! – язвительно откликнулась норвежка, госпожа Лильсен. – Тогда вам тут самое место!

– Спасибо за интересную мысль. Я об этом подумаю! – с достоинством парировал Болль. – Кстати, как явствует из СМИ, в последнее время в Россию усилился поток западных мигрантов, которых лишили права исповедовать подлинное христианство и растить детей не гомосексуалистами. Делайте выводы, господа!

Ответом ему стало маловразумительное брюзжание председательствующего и аплодисменты большинства присутствующих.

Глава 2

Гуров вошел в свой кабинет, зажмурился и потряс головой – в висках ощутимо поламывало. Прямо от двери он направился к своему столу, чтобы разобрать груды хаотически сваленных бумаг, которую сам называл вороньим гнездом. Вчера, вернувшись с семинара, Лев Иванович чувствовал себя усталым и разбитым. После бурных словесных баталий ему было не до разбора макулатуры, накопившейся за последние дни.

Он неспешно перебирал бумаги, сортировал их по степени значимости. Важные – вправо, так себе – в середину, пустопорожнюю макулатуру – влево.

«Так, что это у нас? – мысленно спрашивал полковник, пробегая взглядом заголовки принтерной распечатки. – Справка о поставках импортного пойла в Московский регион. Поздно уже – дело давным-давно и раскрыто, и закрыто. Влево! Это что? Анализ подростковой преступности за последние месяцы! Это – вправо! Похоже, работа Жаворонкова. Молодец – вот кого не надо подгонять. Что тут у нас? Поправки в КОАП? Ладно, как-нибудь посмотрим. В середочку!»

За его спиной скрипнула дверь, и на пороге появился Станислав Крячко, сияющий, как и всегда.

– С добрым утром! – жизнерадостно заявил он.

– И тебе того же, – сдержанно ответил Гуров.

Стас окинул его несколько недоуменным взглядом и настороженно поинтересовался:

– Что такой скучный? Заболел, что ли?

– Не я. Мария прихворнула, весь вечер температурила. Спать лег только в первом часу. У самого после вчерашнего голова трещит. Столько пришлось разбирать этой зауми – рехнуться можно! Как ловко был придуман проект постановления! Под видом борьбы с коррупцией – задушить конкурентов. Не прокатило!..

– Молодец! А у нас вообще было что-то революционное! – Крячко торжествующе рассмеялся. – Провели жесткую антипедофильскую резолюцию. Да и по поводу работарговцев формулировка получилась предельно суровая. Бедный голландец аж позеленел, когда за нее проголосовало подавляющее большинство. Эх, что было!..

Лев Иванович усмехнулся, окинул его каким-то непонятным взглядом.

– Представляю, – согласился он. – Стас, не подумай, что хочу тебя поддеть, но, если это не секрет, с кем и куда это ты поехал после семинара? Я случайно глянул – в твой «Мерседес» кто-то сел, а ты сразу же по газам.

Наморщив нос и досадливо почесав затылок, Крячко неохотно сообщил:

– Да коллегу подвез. До гостиницы. Это немка, очень интересная собеседница. Зовут ее Кристина Шнайдер. Вот и все.

Гуров совершенно невозмутимо кивнул в ответ и продолжил разборку бумаг.

Стас сел за свой стол, включил ноутбук и неожиданно нарушил молчание, повисшее было в кабинете:

– Слышь, Лев, а что ж ты не прикалываешься насчет моей попутчицы? Ты же в подобных случаях обязательно выдаешь что-нибудь такое, с тонкими намеками!

Гуров с некоторым недоумением покосился на него, флегматично пожал плечами и заявил:

– Ну а чего прикалываться? Ты же в гостиницу даже не заходил небось? Высадил и попрощался.

– Не совсем. Она пригласила меня к себе в номер на чашечку кофе, – осторожно подбирая слова, уточнил Станислав.

– Ну, кофе – это же не вино, – продолжая перебирать бумаги, все так же флегматично констатировал Гуров.

– Ну, если честно, то по пути бутылочку я взял. Кристина сказала, что ей больше нравятся красные вина. Вот я и завернул в один знакомый погребок. Там такие краснодарские вина – Италия и Испания отдыхают. Заодно взял фруктов, пирожных.

– Ну и нормально, – с постным монастырским видом согласился Лев Иванович, хотя при этом в его глазах мелькнули какие-то непонятные искорки. – Посидели, обменялись опытом.

– Ну да! – обрадовался Стас. – Просто задушевно пообщались. Я немного помню школьный немецкий, она – школьный русский. Пришлось чуточку задействовать и английский. Она, между прочим, много чего интересного рассказывала. Родилась в сельской местности, в округе Берлина. Когда-то, говорит, русских на дух не переносила. Как и многие другие восточные немцы. Что интересно, в те времена западные нас уважали куда больше! Они к америкосам питали то же самое, что восточные к нам. А потом, когда социализм кончился, вдруг обнаружилось, что прежнее-то житье было не таким уж и плохим. В ГДР был самый высокий уровень образования и спорта среди всей Европы. Теперь-то уже этого нет! А еще у них...

Тут в кабинет неожиданно наэлектризованным торнадо ворвался Петр Орлов собственной персоной. Лев Иванович и Стас удивленно взглянули на него.

– Вот они, твою дивизию! – громыхнул генерал, простирая длань в их сторону. – Раз поднял трубку – занято, два – занято. По мобиле звонить не стал. Дай, думаю, зайду, гляну лично, что это они тут затаились. Небось вчера накуасились до посинения, так теперь ко мне идти боятся. Трубку сняли!.. – Генерал увидел, что трубка телефона внутренней связи лежат на аппарате, крикнул и замолчал.

Гуров негромко рассмеялся и спросил:

– Ты что, не выспался? При чем тут пьянка? Например, я вчера даже не нюхал. Мне-то чего бояться? И вообще, что за претензии? Никто нам не звонил. Я вон уже полчаса бумаги перебираю и все удивляюсь, что это Петро нас не беспокоит? Небось вчера на генеральском фуршете накуасился до посинения, а теперь боится приглашать к себе в кабинет.

Крячко привольно, от души расхохотался и вскинул большой палец. Дескать, молодец, Лева, классно поддел Петруху! Орлов недоуменно хмыкнул, подошел к столу Гурова, поднял трубку аппарата внутренней связи и услышал в ней короткие гудки.

– Тьфу, туды его! – Он бросил трубку на место и сокрушенно выдохнул. – Коммутатор, зараза, забарахлил.

– О чем я говорил уже не раз! – невозмутимо напомнил Лев. – Но давай не будем вести речь об этой мелочи? Ты мне лучше скажи, что там у тебя за бензин-керосин загорелся, раз ты с необычайной резвостью решил почтить нас своим визитом?

– Да, Петро, колись. Чего ты нам опять подсунуть надумал? – с подначкой в голосе спросил Станислав.

– Колись! – саркастично передразнил Орлов, глядя на него в упор. – Колись лучше сам, чем вчера в гостинице занимался, в номере полковника бундесполиции?

– А чем я там вчера занимался? – Стас с невинным видом развел руками. – Выпили кофе, поговорили...

– Поговорили! Ага! – в голосе Петра звучала убийственная ирония. – А с чего бы это вдруг кровать в ее номере закрипела так, что было слышно по всему этажу? А? Вот ты бы, Лева, что сказал бы по этому поводу?

Не отрываясь от разборки бумаг, Гуров лишь мельком покосился на него и все так же флегматично резюмировал:

– Ну а что тут скажешь? Звукоизоляция в гостинице хреновая. Строить, черти, совсем разучились!

На некоторое время потеряв дар речи, Орлов недоуменно похлопал глазами, после чего ошеломленно всплеснул руками и с возмущением в голосе раздельно произнес:

– Охренеть! Ты чего непонимающим-то прикинулся?! Я тебя о чем спрашиваю?

– Петр, знаешь, в данном случае скрип кровати мне абсолютно до фонаря! – Гуров с чуть заметной усмешкой посмотрел на генерала. – О том, что у Стаса вчера без этого не обошлось, я догадался сразу, как только он вошел. Ну и что? Ему или ей нет восемнадцати? Они взрослые люди и делают то, что им хочется. Ах, тебя смущает тот факт, что она иностранка? Ну да. Дескать, а что ж люди-то о нас в европах подумают?! Так, что ли? Не переживай, нормально подумают! Хоть будут знать, что в России полно правильных мужиков, которые тяготеют к интересным, нормальным женщинам и даже могут их осчастливить. Кристина-то там как, хоть осталась довольна? – спросил он, обернувшись к Стасу.

– Еще бы! – Тот мечтательно улыбнулся. – Сказала, что теперь в Россию будет ездить как можно чаще.

– Усек? – Лев Иванович покончил с бумагами, сел на свое место и указал Петру на свободный стул. – Приземляйся, раз пришел. Слушай, Петро, чего ты привязался к нему со всякой этой моралистикой? Вот такой он человек. Иной раз и я Стаса пилю, бывает. Сейчас ты за него взялся. Хотя, по сути, дело-то и выведенного яйца не стоит. Тем более что ты и сам видишь, как он укрепил международный престиж российских мужиков! Теперь со всего поголубевшего Запада к нам побегут толпы дам, ищущих утешения.

– Тоже мне, нашел повод для гордости! – Орлов саркастично фыркнул.

– Между прочим, тут нет ничего смешного! – Гуров слегка подбоченился. – Это более чем серьезно! Сейчас в армии США чуть не треть состава – гомосексуалисты. Ты их испугаешься? Хренушки! Такая армия не страшит, а смешит! А вот армия, где служат конкретные мужики, у которых в крови кипит и фонтанирует тестостерон, – эта настоящий кошмар для агрессора. Понял? Думаешь, почему в армии США ежегодно подвергаются насилию сотни женщин и даже парней, которые там служат? Да потому, что в ней полно моральных слабаков, которые самоутверждаются, унижая тех, кто слабее физически. По-настоящему сильный человек насильником никогда не станет.

Петр, озадаченный его логикой, задумчиво потер лоб. Как видно, Стас тоже вошел во вкус этой темы.

Он с оттенком злорадства хохотнул, тряхнул вздытым кулаком и заговорил:

– А помнишь, я тебе рассказывал, как один мой знакомый в девяностых годах участвовал в марш-броске нашего десанта на приштинский аэродром в Косово? Когда наши парни заняли позицию и окопались, что они сделали в первую очередь? Устроили в палатке баню. Воды в каком-то болотце начерпали, накупятили, помылись, постирались и двинули на танцы. Дальше картина маслом. С одной стороны, пришли ребята – чистенькие, свежие, наутюженные. Залюбуешься! С другой – подваливает натовская потная, грязная кодла, от которой за версту несет свинарником. Итог? Не только сербки и хорватки, но и албанки за нашими толпой. А натовцы сопли утерли и айда восвояси.

Орлов поморщился, замахал руками и заявил:

– Ты эту историю уже сто раз рассказывал. Ладно, секс-идеологи, хватит об этом! Лучше бы я и не начинал этот разговор, блин! Все, закрыли тему! Значит, теперь главное. Я вот что хотел вам сказать. Вы в Сибири уже были? Отлично! Теперь, мужики, собирайтесь на Курильский архипелаг.

Лев Иванович и Станислав недоуменно переглянулись. Каждый из них отреагировал на эти слова по-своему. Крячко ошарашенно присвистнул.

Гуров негромко рассмеялся и пробормотал:

– Ни хрена себе, вот так приколот!

В ответ на это замечание Орлов саркастично фыркнул и сокрушенно покачал головой, как бы желая сказать: «Ну вот, так я и знал!»

– А что ж так близко отправить надумал? – Лев Иванович выжидающе посмотрел на Петра. – Что ж не на мыс Горн? Или уж прямо в Антарктиду засандалил бы!

– Понадобится – и туда полетите! – сухо вато парировал тот. – Дело, мужики, очень серьезное. В общем, ситуация такова...

Орлов рассказал, что на Шумбумаи – одном из обитаемых островов Курильской гряды – в последние месяцы творилось непонятно что. В городке Тихом, обитатели которого занимались переработкой рыбы, вдруг началась настоящая эпидемия несчастных случаев. Кто-то вдруг утонул, кто-то упал с балкона, кто-то отравился продуктами, купленными в магазине. Для населенного пункта с менее чем тремя тысячами жителей это чрезвычайно серьезные происшествия.

Местная полиция в лице участкового инспектора оказалась бессильна что-либо сделать. Сотрудник угрозыска, прибывший с материка, попал в больницу. Ему на голову свалился кирпич!.. Еще один опер, присланный в поселок, случайно упал и сломал ногу.

Из-за этого население пребывало в панике, многие порывались бежать с острова. Самое высокое начальство прекрасно понимало стратегическую значимость этого района. Поэтому и было решено послать на Шумбумаи, в поселок Тихий, лучших сыщиков из Москвы.

– А лучшие у меня кто? Правильно, вы. Так что, друзья мои, – в дорогу! На самолете доберетесь до Южно-Сахалинска, оттуда до Итурупа на судне. Там есть и местные авиалинии. От Итурупа до Шумбумаи – на катере. Мне почему-то кажется, что ваша поездка скучной не будет.

– Вот это точно! – Гуров провел по лицу ладонями и тягостно вздохнул.

– Петро, а там что, своих оперов разве нет? – недовольно спросил Станислав. – Край громадный, а сыщиков из Москвы подавай!

– Мужики, мне на этот счет команду с самого верха дали! – Петр развел руками. – Кстати, о бедах, происходящих на Шумбумаи, министр знал и вчера. Думаете, случайно вас назвали как самых-самых? То-то же!

– Уж как мы рады! – Крячко шутовски раскланялся. – Но если серьезно, то кое-кто совсем охренел! Беспредел полнейший! Да чтоб мне век ходить пешком, если останусь на этой работе. Все! Хватит! Оттуда вернемся – сразу же рапорт подам. А ты, Лев?

– Да, наверное, тоже. – Гуров хитро улыбнулся одними глазами и махнул рукой.

– Вот и ладушки! – обрадовался Орлов. – Вернетесь – недельный отпуск гарантирую.

– Ну, дня три, значит, дашь – не обдуришь! – вставая со стула, резюмировал Лев. – Но вот командировочные – это я тебе говорю уже сейчас – изволь отстегнуть в двойном размере!

– Идет! – Петр залихватски махнул рукой и тоже поднялся со стула.

Похоже, он был чрезвычайно обрадован тем обстоятельством, что приятели согласились отправиться на край света без долгих словесных баталий. Поэтому и двойные командировочные, затребованные Гуровым, не показались ему излишним расходом. Орлов порекомендовал Льву Ивановичу и Станиславу провести сборы оперативно, без раскачки, и направился к двери.

На полпути он задержался, оглянулся и спросил у Крячко:

– Надеюсь, счет за кровать нам не принесут? Это я снова по поводу твоих невинных проделок в гостинице. Ты ж такой бугай – и железобетонную развалил бы.

– Нет! – Стас категорично помотал головой. – Не принесут. Кровать устояла. А что касается бугая... знаешь, Кристина – тоже девочка неслабая. Обнимала так, что у меня аж дыхание перехватывало. Кто только сказал, что немки – скучные и пресные? Эту я бы такой не назвал. Любой азиатке или негритоске сто очков вперед даст.

– А то ты знаешь, какие они – эти азиатки и негритоски?! – Гуров как-то непонятно усмехнулся.

Крячко ничего не сказал в ответ, лишь одарил его снисходительным взглядом супермена. Лев Иванович хлопнул ладонью по столу, откинулся на стуле и громко рассмеялся. Дает жару, многостаночник хренов!

– Теперь последний вопрос. – Петр озабоченно почесал кончик носа. – А она тебя часом в Германию не сманивала? Если откровенно, то меня больше всего именно это обстоятельство и напрягало. Вдруг, как гоголевский Андрий Бульба, из-за юбки переметнешься в иноземную контору?

– Петро, не городи глупостей! – Станислав осерчал не на шутку. – Как это я брошу Леву, тебя, Москву, Россию, наших милых, несравненных дам?! Черта с два! А Кристина – чего она меня будет звать? Женщина замужем.

Гуров риторически спросил с ироничной укоризной в голосе:

– Это получается, что ты какому-то бедному немцу наставил рога?

– Какие рога! – Крячко поморщился, потом изобразил некую непонятную гримасу. – У голубых рогов не бывает. А ее муж на сто процентов такой и есть. Причем из пассива. Они когда поженились, Кристина об этом даже не догадывалась. Года через два он сам в этом признался. Сказал, что еще в школе его совратил тренер по гимнастике. Пацан года три с ним сожительствовал и стал конченным педиком. Он надеялся, что избавится от этого после свадьбы. Однако ничего не вышло. Теперь они живут врозь, каждый сам по себе. Детей нет, потому что не захотела Кристина. Она опасалась, что в присутствии гомосексуалиста ее ребенок станет таким же. Это ж там сейчас сплошь и рядом. Такие вот у них веселые дела.

– Ой, не дай бог! – Орлов махнул рукой и скрылся за дверью.

Размеренно шумели реактивные турбины пассажирского авиалайнера, унося его куда-то к черту на кулички. Разумеется, с точки зрения жителя средней полосы.

Лев Гуров сидел в кресле у самого окна по правому борту салона и с десятикилометровой высоты озирали земные просторы. Где-то внизу, под рваным одеялом облаков, медленно ползли далекие ландшафты, окутанные синеватой дымкой. Небо над головой выглядело непривычно, было фиолетовым. Здесь уже начиналась стратосфера, совсем иная среда, другой мир. Впрочем, Гурову за годы работы уже не раз доводилось видеть это.

Лев Иванович покосился в сторону Стаса, который мирно дремал в среднем кресле их секции, и чуть заметно усмехнулся. Он знал, что Крячко, будучи человеком не робкого десятка, а иной раз и вовсе сумасшедшей отваги, не любил путешествовать на самолетах. Нет, вовсе не потому, что страдал так называемой аэрофобией – подсознательной боязнью авиапутешествий. Его нелюбовь к полетам объяснялась просто. Он край как не любил ситуации, на исход которых повлиять не имел вообще никакой возможности.

Стас знал, что на трассе, даже в условиях лобового столкновения, шанс выжить есть. Он мог обеспечить его себе своим водительским искусством, хладнокровием и отменной реакцией. Неплохие возможности уцелеть имелись и в случае какого-либо форс-мажора на железной дороге. Даже при кораблекрушении в открытом море немалая доля успеха зависит от крепости мускулов, выносливости и воли, чего Станиславу было не занимать.

А вот самолет!.. Риск оказаться жертвой авиакатастрофы невелик. ДТП с самыми тяжкими последствиями случаются в сотни, если не в тысячи раз чаще. Однако у авиации, с точки зрения Стаса, имелся один главный недостаток. Если самолет падает, то выжить в этом случае можно только благодаря немыслимому чуду. Тут уже не поможет никакая воля к жизни, реакция, сила рук и выносливость. Все тупо и безразлично определяет закон всемирного тяготения, повелевающий всякому предмету, осмелившемуся оторваться от земли, немедленно вернуться на ее поверхность.

Лев знал, что, начини самолет падать прямо сейчас, Стас повел бы себя достойно. Он не стал бы метаться, не потерял бы голову от губительного ужаса, не начал бы биться в исте-

рике, обвинять бога или черта по поводу безвременного расставания с жизнью, причитать или молиться. Крячко просто молча смотрел бы в окно, прощаясь с этим миром, мысленно подводя итоги своей жизни.

Крайним слева в секции их кресел оказался некий гражданин желчного вида, лет под пятьдесят, с едким взглядом и пренебрежительной ухмылочкой, периодически возникающей на обрюзгшем лице. С этим, как про себя окрестил его Гуров, сухофруктом они уже успели сцепиться перед самой посадкой. Когда пассажиры уже выгружались из аэродромного автобуса и направлялись к трапу, этот тип презрительно скривился при виде «девяносто шестого» «Ила».

Потом он язвительно процедил:

– Ох, как же не хочется лететь на этом гнилом корыте!

Некоторые их попутчики с тревогой переглянулись и тут же замедлили шаг, как видно, засомневавшись в надежности этого авиалайнера.

Крячко с не меньшей язвительностью тут же парировал:

– Кому как, а по мне лучше лететь на новеньком «Иле», имея полную гарантию безопасности, чем на гнилом «Боинге», из которого все выжали, а потом продали в Россию.

Как видно, его суждение основательно задело сухофрукта, поскольку тот с надменной миной безапелляционно заявил:

– «Боинг» – это бренд мирового уровня! Пусть даже не первой новизны, но он намного надежнее илюшинского хлама. Наши бездельники копировали «Боинг», чтобы состряпать вот этот аэроплан, но даже не потрудились хотя бы передраť все как следует.

Лев Иванович не выдержал этого наглого вранья, громко рассмеялся и спросил, не скрывая иронии:

– Вы кто по образованию? Инженер-авиастроитель? – «Боинг» семьсот восемьдесят седьмой модели американцы начали разрабатывать, когда «девяносто шестой» «Ил» уже проходил летные испытания. И не наши с «Боинга», а американцы с «Ила» скопировали очень многое. Так что не надо вешать лапшу на уши.

Это замечание стало чем-то вроде красной тряпки для разозленного быка. Сухофрукт отчего-то очень обиделся за негативную оценку изделия американской авиапромышленности.

Он, брызжа слюной, нервно выпалил с визгливой озлобленностью:

– Что вы глупости городите?! Этого не может быть просто потому, что быть не может!

Его оппоненты в ответ на это заявление громко рассмеялись.

Крячко брезгливо поморщился, аккуратно вытер платочком забрызганное плечо, обтянутое кожаной ветровкой, и с сарказмом произнес:

– Чехова читайте, его «Письмо к ученому соседу». Это про вас.

Сухофрукт, сраженный наповал, демонстративно отвернулся, давая понять, что не намерен общаться с подобными типами, никак не желающими признать превосходство американской технической мысли.

Кто бы мог подумать, что их места в салоне окажутся по соседству? Увидев недавних американофобов, уже занявших свои кресла, сухофрукт изобразил недовольный, кислый вид, тоже сел и вперился в телевизионный монитор под потолком, где шел какой-то боевик.

«Вот ведь невезуха, лететь в одном самолете с таким кретином, да еще и по соседству! – сокрушенно отметил Гуров. – Принесли ж его черти на этот рейс, остолопа безмозглого!»

Но сыщик тут же спохватился. Таких вещей говорить не стоит даже самому себе. Они ведь не где-нибудь, а в небе.

Лев вспомнил разговор со старым летчиком, с которым как-то ехал в одном купе. Попутчики употребили коньячку за здоровье и обсуждали самые разные темы, в том числе и свои профессиональные дела.

Несколько разогревшись от ароматного алкоголя, отставной авиатор, назвавшийся Михаилом Васильевичем, в какой-то момент вдруг разоткровенничался.

– Знаешь, Лев Иванович, кто бы и что ни говорил, а тот, кто всю жизнь провел в небе, поневоле становится суеверным человеком, – приглушенно заговорил он. – Можешь мне верить или нет, но небо – это не просто купол голубого цвета. Я даже не знаю, как такое назвать. Но оно разумное! Нет-нет, я не шизофреник, мистикой не увлекаюсь и из ума еще не выжил. Просто было в жизни несколько случаев, которые заставили меня принять это как реальность.

По словам летчика, самый первый случай подобного рода он пережил, когда еще только сел в кресло второго пилота «Ту-134» в далеком семидесятом году. Творение КБ Туполева на ту пору было шедевром авиастроительной мысли. Выполнив в указанном качестве несколько авиарейсов в Болгарию, Михаил почувствовал себя настоящим асом. Такое вполне свойственно всякому молодому человеку, не нажившему достаточного жизненного опыта.

Но как-то раз, на обратном пути где-то над Черным морем, авиалайнер попал в зону мощной турбулентности. Началась болтанка, которая запросто могла бы отправить в штопор любой другой самолет, в том числе и хваленый «Боинг». «Ту-134» с трудом удержался на крыле. Однако воздушные вихри словно вознамерились любой ценой сбросить крылатую машину в мутящееся море и удесятерили свои бешеные атаки.

Командир воздушного судна был асом безо всяких натяжек, но ситуация стала критической. Казалось, еще немного, и свершится непоправимое. Михаил в ту пору уже был членом партии и, соответственно, абсолютным атеистом.

Вдруг он мысленно воззвал, сам не зная к кому: «Зачем ты так делаешь? Чего ради губишь столько людей? Если я перед тобой в чем-то провинился, то пошли это мне одному!»

Можно сказать, что произошло чудо. Почти сразу же небесный шторм вдруг умерил свою ярость. Еще через несколько минут чьи-то гигантские невидимые руки раздвинули облака. Впереди засияла безупречная синева чистого неба.

В жизни летчика было и несколько других случаев подобного рода. Ему особенно запомнился рейс на Москву из Сочи, уже году в девяностом. В ту пору Михаил Васильевич был командиром экипажа на «Ту-154». Полет протекал в заданном режиме, ничто не предвещало каких-либо неприятных случайностей.

Уже на подлете к Москве чей-то голос вдруг внятно произнес у него над самым ухом: «На полосе препятствие, смотри в оба!»

Кто именно это произнес, Михаил не понял, но на всякий случай решил произвести посадку в специальном режиме, обеспечивающем максимальный сброс скорости. В тот момент, когда колеса коснулись бетона взлетно-посадочной полосы, прямо в лоб самолету выкатил заправщик, появившийся неведь откуда. Командиру экипажа с огромным трудом удалось избежать столкновения. Как оказалось, у водителя автоцистерны остановилось сердце, и машина катила по летному полю сама по себе.

Завершая свой рассказ, Михаил Васильевич отметил:

– В небо никогда не следует подниматься с какими-то черными мыслями, сквернословить и браниться. Это может плохо закончиться!

Такой совет Лев Гуров запомнил навсегда.

Когда самолет взмыл в небо и лег на курс, в салоне началось довольно заметное оживление. Первыми свои места покинула ребятня детсадовского и младшего школьного возраста. Юные путешественники успели перезнакомиться еще во время посадки. Теперь, ничуть не смущаясь тем, что в данный момент они мчались с огромной скоростью на высоте около десяти километров, дети затеяли жизнерадостную кутерьму. Они моментально оккупировали туалеты, используя их для игры в прятки. Благо таких важных объектов в салонах бизнес- и экономкласса насчитывалось не менее десятка.

Впрочем, взрослые тоже постепенно начали перемещаться по салону. Кто-то поспешил на нижнюю палубу, где располагались развлекательный центр, тренажерный зал и комнаты отдыха, кто-то – в туалетные кабины по понятным делам.

Стас задремал сразу после взлета. Он мирно то посапывал, то похрапывал, как видно, путешествуя по своим безмятежным снам. Гуров попытался принудить себя уснуть, но почему-то не смог. Хотя это было бы не лишним. Из Москвы они вылетели почти в шесть вечера. Путь до Южно-Сахалинска занимал около восьми с половиной часов. То есть в аэропорту Хомутово они окажутся примерно в половине десятого по тамошнему времени, поздним утром. Вот в Москве как раз пойдет третий час ночи – самый сон!

Гуров решил мысленно посчитать воображаемых баранов, но в этот момент увидел прямо перед собой известного столичного шулера и афериста Яшу Мопса. Тот сидел в кресле, которое отчего-то оказалось развернутым так, как это бывает в электричке, тасовал карты и хитро подмигивал.

– Лев Иванович, в буру перекинуться не желаете? – Мопс причмокнул и звонко шлепнул колодой по ладони. – Биться обещаю в лоб.

На языке каталы эта формулировка означала обещание играть без шулерских уловок.

Гуров в ответ иронично рассмеялся и заявил:

– Яша, да у тебя в каждом рукаве по пять запасных козырей! Тоже мне, нашел лоха! – Но Лев Иванович тут же что-то вспомнил, вскинул руку и едва ли не выкрикнул: – Постой! Ты же сейчас на зоне, отбываешь срок за убийство Грызуна. Тебя что, отпустили?! – Полковник недоуменно воззрился на своего неожиданного собеседника.

Яша загадочно ухмыльнулся, потом досадливо поморщился и сказал:

– Гражданин начальник, ну да, Грызуна я грохнул. Но ведь за дело! Он устроил поганую подставу моему дружану Юрцу, и его на правилке приговорили. Это ж он ему подложил часы Светки Мухлюги. А Калмык, наш смотрящий, за нее и родного брата не пощадил бы. Такие вот дела, гражданин начальник!

Лев Иванович словно получил толчок в бок. Он открыл глаза и недоуменно огляделся по сторонам. Никакого Яши Мопса рядом не было. Да и откуда бы ему тут взяться? Шулер еще на зоне строгого режима, где ему отбывать по меньшей мере года три из одиннадцати назначенных. Кто бы мог подумать в две тысячи пятом году, что представитель криминальной касты, считающейся в воровской иерархии достаточно интеллигентной и, соответственно, престижной, схватится за нож и нанесет гопнику Крысанкину по кличке Грызун восемь проникающих ранений в грудь и живот?

«Это что же, я все-таки уснул? – Гуров протер глаза и потянулся. – Надо же, кто привиделся-то!.. Так, а что он там толковал про Юрца? Постой-постой! А ведь и верно, Буцалова нашли в лесу за городом с финкой в груди. Так частенько исполняются приговоры воровского суда. А не рано ли закрыли дело об убийстве Светланы Малинец? Это вопрос».

Лев Иванович помнил, что в две тысячи пятом году были серьезные подозрения насчет того, что именно вор-домушник Юрий Буцалов в ходе пьяной ссоры ударом в висок убил, а затем ограбил мошенницу на доверии Светку Мухлюгу. Гуров не занимался этим делом. Ему хватало через край и куда более серьезных, по-настоящему масштабных проблем. Он лишь курировал работу своего коллеги, который расследовал три убийства, объединенных в одно дело.

Майор Топачев с самого начала вцепился в версию, согласно которой потерпевшая Малинец погибла в результате несчастного случая, упав виском на комод. Крысанкин, неровно дышавший к ней, заподозрил, что в этом повинен Буцалов, и умело подставил его. По приговору воровского суда кто-то убил этого субъекта ударом финки в грудь. А шулер Румяшко, он же Яша Мопс, в отместку за приятеля прикончил Грызуна.

Гуров в ту пору куда-то срочно уезжал по служебным делам, поэтому дело ушло в прокуратуру без его ознакомления. А когда он вернулся, оно было уже везде утверждено и согласовано. Прокуратура более чем охотно согласилась с доводами и выводами опера Топачева.

Почему? Да только по той причине, что его версия была проста как табуретка и не требовала какого-либо дополнительного напряжения извилин. К тому же Яша полностью признал свою вину. Льва Ивановича очень удивило то обстоятельство, что Мопсу все равно почему-то отвесили срок по полной программе.

Впрочем, какая польза от этого нечаянного озарения? Что теперь можно изменить в судьбах участников той, весьма давней истории? Яша года через три выйдет на свободу. Калмыка, который приказал убить Буцалова, уже несколько лет нет в живых. Где-то в две тысячи девятом его застрелил снайпер на пороге собственного дома.

Да и вообще, зачем попусту переживать и напрягаться? Все в этом мире происходит именно так, как и должно. Мы всего лишь актеры грандиозного спектакля под названием «Жизнь». Роли в нем расписаны заранее. Их раздадут нам еще при рождении.

Гуров провел по лицу руками и взглянул на часы. По Москве было около половины двенадцатого. То есть он проспал примерно пять часов. Через иллюминатор по другую сторону салона был виден краешек ранней утренней зари. Надо же! Москва еще только засыпает, а здешние жители уже встречают утреннюю зарю. Почти все пассажиры дремали в своих креслах.

Стас громко всхрапнул, открыл глаза, удивленно посмотрел на Гурова, откашлялся и негромко спросил:

– Лев, а ты чего не спишь?

– Нет, почему же? Поспал немного. – Гуров откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. – Попробую еще уснуть. Хотя не уверен, что удастся.

– Блин! А мне сейчас такое приснилось! – сонным голосом заговорил Крячко, тоже закрывая глаза. – Как будто меня в Германии назначили каким-то большим чином в тамошней полиции. Представляешь, бегут ко мне с докладами, а я ни в зуб ногой! Хрен разберешь, чего там они шпрехают! Им надо еще и чего-то приказывать, а я только помню «гутен таг» да «ауфвидерзейн». Так неудобно стало, что аж проснулся.

Последних слов Станислава Лев Иванович не расслышал. Он вновь незаметно для себя ухнул в пучину сновидений и очнулся от яркого солнечного света, льющегося в иллюминатор. Гуров протер глаза и обнаружил, что самолет уже идет на посадку. В салоне все проснулись, задвигались, заговорили.

Глава 3

Путешествие в небесной выси продолжалось восемь с лишним часов. Колеса «Ила» наконец-то мягко коснулись бетонки сахалинского аэропорта Хомутово и немного потряслись на ее неровностях, передавая толчки и вибрацию фюзеляжу и крыльям. После безмятежного плавного полета подобный вариант возвращения на земную твердь показался нашим путешественникам несколько даже непривычным.

Самолет замер в конце взлетно-посадочной полосы. Лев Иванович и Станислав вместе с другими пассажирами потянулись к выходу. Те из них, кому достались места в хвосте машины, вышли из нее в числе первых.

– Вот мы и на краю света! Это, я так понимаю, Хомутово? – Крячко ступил на трап и жизнерадостно ухмыльнулся. – Гляди-ка, все так же, как и у нас! Вот только ощущение такое, что день не настоящий. У нас же сейчас все нормальные люди спят. Мой организм усиленно подсказывает, что неплохо бы всхрапнуть еще пару часов. Но ведь тут уже начался день. Все! Отоспались!

Сыщики прошли в старомодное трехэтажное здание аэровокзала, первым делом разыскали умывальник и привели себя в порядок. Затем они забрели в кафе, подивились здешним ценам, весьма нехилым для провинции, и основательно подкрепились. Официантка, молодая брюнетка приятной наружности с заметной примесью корейской крови, подошла за расчетом. Московские гости поинтересовались у нее, где можно купить билет на самолет до Курил.

Щедрые чаевые весьма позитивно расположили девушку к обаятельным рослым незнакомцам. Она немного подумала и сокрушенно сообщила, что на полет в ближайшие дни едва ли стоит рассчитывать. По ее словам, здешнее авиасообщение очень сильно зависит от погоды. А она в этом регионе летной бывает редко.

– Билеты на что-нибудь летающее вы можете взять только в городе. Центральная авиакасса находится на Коммунистическом проспекте. Это немного не доходя краеведческого музея, если идти от площади Ленина. Обычно самолеты добираются до Менделеева – это аэродром на Кунашире – где-то за час. Но я слушала прогноз. Авиасообщения не предвидится минимум неделю. Так что вам проще было бы добраться морем. Это намного надежнее. Теплоход от Корсакова добирается до островов всего за сутки. Раньше он ходил два раза в неделю, сейчас – три.

Стас задумчиво взглянул в потолок, почесал затылок и сокрушенно вздохнул.

– Прямо по старой поговорке. Близок локоть, да не укусишь, – резюмировал он.

– Это значит, что сейчас нам прямой курс на Корсаков? – спросил Гуров.

Девушка негромко рассмеялась и ответила:

– Нет, что вы! Сначала вам надо в город, чтобы там взять пропуск на Курилы. Все же пограничная зона. Кстати, касса, где вы сможете взять билет на теплоход, находится на верхнем этаже универсама «Новинки». Там рядом городской парк и православная церковь.

– А нам пропуск брать обязательно? Как-никак мы из Главного управления уголовного розыска, – с некоторой горделивостью сообщил Станислав.

Официантка недоуменно пожала плечами.

– Ой, ну этого я не знаю. – В голосе девушки звучало недоумение. – Кстати, раз уж вы из такого серьезного ведомства, то, может быть, вам обратиться к военной авиации? Их аэродром совсем близко, пешком дойти особого труда не составит. Наши горожане, имеющие там знакомых, при случае летают с ними без особых проблем. Правда, они тоже от погоды зависят.

Сыщики поблагодарили свою собеседницу за интересную информацию, вскинули на плечи увесистые дорожные сумки, вышли из аэровокзала и зашагали в сторону военного аэродрома.

Майор в кителе с голубыми авиационными петлицами выслушал гостей из Москвы и лишь сочувственно развел руками.

– В принципе, пойти вам навстречу мы могли бы, – резюмировал он. – Но у нас ближайший борт пойдет в ту сторону только через четыре дня. К тому же если установится погода. А она – увы! – нас не балует. Там сейчас штормит, причем очень здорово.

Сыщики вернулись к аэропорту и направились к стоянке такси. Машины выстроились в не очень длинный ряд за так называемым антитеррористическим барьером из больших железобетонных параллелепипедов, по диагонали окрашенных красными полосами. Как они уже успели заметить, практически все автомобили здесь были японскими.

Опера подошли к крайнему справа синему седану и поинтересовались у водителя, крепкого белобрысого парня, у которого из-под ворота рубахи выглядывала флотская тельняшка, сколько он запросит до города. Конкретно до проспекта Победы.

– В погранслужбу, что ли? – с ленцой в голосе поинтересовался тот.

Таксист увидел утвердительный кивок и назвал сумму, вполне подходящую даже для Москвы. Впрочем, после недолгого торга она ужалась до вполне приемлемой величины. Седан вырулил на трассу и побежал в общем, не самом скудном для Сахалина потоке машин.

– Москвичи? – небрежно руля кончиками пальцев и глядя перед собой, спросил таксист.

Уловив в его вопросе явный оттенок пренебрежения, Крячко недовольно засопел.

– Да. И что? – с вызовом уточнил он.

– Нет, ничего, – как бы нейтрально, но все с той же скрытой подначкой откликнулся водитель.

– Я не удивляюсь. – В голосе Льва звучали не менее ироничные нотки. – В этих краях очень сильна, так сказать, невероятная любовь к Москве. Если узнают, что ты из столицы, то воспринимать будут только как зажавшегося жлоба и виновника всех сахалинских проблем. Я прав? – он внимательно посмотрел на таксиста.

Парню, видимо, стало неловко за его замаскированное, но достаточно вызывающее изъятие неприязни к приезжим.

Он тут же поспешил поправиться:

– Нет, речь-то не о том, что всякий, кто из Москвы, – обязательно жлоб. Хотя, конечно, столица нас особо не балует. Московская верхушка относится к нашим местам как к своей колонии. Это же просто смешно! Знакомый недавно был в Москве и обалдел. Рыба, выловленная здесь, там стоит намного меньше. А ГСМ? В Японии нормальное топливо покупать дешевле, чем то дерьмо, которое продают наши нефтяники. Это какие же куриные мозги надо иметь, чтобы часть России, откуда уже не первый год бежит население, держали в черном теле? Для чего? Чтобы наша область совсем обезлюдела и японцы взяли ее голыми руками?

Гуров понимающе кивнул и заявил:

– Кто бы с этим спорил! Разумным, конечно, подобное положение дел назвать нельзя. Если бы у нас было что-то похожее на ренту отдаленности! Это система, при которой отдаленная территория платит минимум налогов и получает максимум дотаций. Так вот, если бы у нас это практиковалось, то Сахалин стал бы попросту землей обетованной.

– О как! – восхитился таксист. – Нормальная система. А что ж у нас-то ее не введут?

– Тогда хорошим людям будет нечего пилить, – сказал Крячко и язвительно рассмеялся.

– Да, это тоже имеет место быть, – согласился Лев Иванович.

– Вот так и живем. – Таксист снова тягостно вздохнул. – У нас только перед иностранцами принято бисер метать. Свой народ ни во что не ставят. Вон, рядом с городом есть одно место – здешний уголок райской жизни. Называется поселок Зима. Может, слышали? Нет? Это прямо кусочек Америки – домишки новенькие, настоящие игрушки. Все вылизано, кругом гламур. Там живут иностранцы, которые разрабатывают нефтегазовые месторождения. Я никак не могу понять, почему из наших недр выкачивается такое добро, государство на этом огребает мил-

лиарды баксов, наши шишки за границей строят себе дворцы с золотыми унитазами, а мы – в заднице. Настоящие туземцы, до которых никому нет дела. Дороги – яма на яме. Спасибо, японцы успели за сорок лет понастроить. А то и этого не было бы! Все ветшает и рушится. Это нормально?!

– Если бы такое было только здесь! – Станислав саркастично рассмеялся. – Рядом с Москвой есть такие дыры, что ваши прорехи не так ярко светятся по сравнению с ними.

– Да, – согласился Гуров. – Там тоже не рай небесный. Целые регионы на грани банкротства. Так что и средней полосе России особо похвастаться нечем. Ну а в Зиму, в этот американский рай, что, вообще никому входа нет?

– Почему же? Местные жители и их гости могут туда пройти, хоть и по пропускам. Случайных туристов не пускают. Я там пару раз был. Это совсем другой мир! Сворачиваешь с этой грязной трассы на Корсаков и как будто попадаешь куда-то за границу. Я там у них как-то в бассейне искупался. Он, говорят, лучший на Сахалине, если не во всем регионе. Детишки из школы идут и все по-английски чешут. Только и слышишь: «Ю вэмп! Май дадз – босс!» Там все свое – школа, садик, медицина, охрана. Можно велик оставить, и фиг его кто тронет.

– Местные им сильно завидуют? – поинтересовался Стас, глядя на кварталы Южно-Сахалинска, пролетающие мимо.

– Вы не поверите, но никто из моих знакомых почему-то не завидует. – Таксист пожал плечами и рассмеялся. – Конечно, чтобы у нас самих жизнь стала лучше, чтобы наши края не стыдно было людям показать – этого все хотят. А жить именно там – нет! Скучища смертная. Знаете, у нас московскую верхушку потому и не любят, что приедут, наобещают с три короба, а на деле – фига с маслом!.. Вот мы и приехали. Проспект Победы, – объявил таксист, притормозив у дома старой постройки.

Гуров окинул взглядом синеватые вершины сопок, высящиеся вдали над крышами домов, достал из кармана деньги и расплатился с таксистом, еще раз посмотрел на горную гряду и заметил:

– Природа-то здесь у вас красивая!

– Да, насчет этого у нас небедно, – согласился парень и добавил: – Вам сейчас надо пройти туда во двор, там дверь такая неприметная с табличкой. Только поторапливаться надо – они принимают документы с девяти тридцати до половины одиннадцатого. У вас запас времени всего пять минут. Как бы не отфуболили.

Опера без особых затруднений разыскали пограничную контору. Оттуда, о чем-то безразлично переговариваясь, как раз выходила компания каких-то туристов-экстремалов.

От миловидной сотрудницы в униформе московские гости услышали безапелляционное:

– К сожалению, время приема документов уже вышло. Вам придется подождать до завтра.

– Нет, до завтра ждать мы никак не можем! – столь же резко уведомил ее Гуров.

Он показал барышне служебное удостоверение и командировочное предписание, повергшие ее в напряженную задумчивость. Прихватив с собой документы сыщиков, девушка ушла к своему начальству. Через минуту она вернулась, приветливо улыбнулась и сообщила, что, учитывая чрезвычайно важные цели и задачи гостей их города, документы будут приняты и пропуска оформлены в кратчайшие сроки. Более того, эта милая особа даже взялась отксерить документы оперов на своем служебном копире, избавив их от необходимости бегать по городу в поисках такого аппарата.

Приятеля заполнили анкеты в трех экземплярах. При этом Стас ухитрился испортить несколько бланков подряд. Гуров справился со столь напряженной работой менее чем за десять минут. Он вышел на улицу и еще столько же ждал Крячко, которому обаятельная сотрудница этой строгой конторы взялась помочь.

Вскоре Стас, преувеличенно серьезный и озабоченный некими мировыми проблемами, тоже вышел во двор.

Лев Иванович мельком взглянул на него и лаконично, без каких-либо эмоций поинтересовался:

– Понравилась?

– Анкета, что ли? – Станислав не очень умело попытался изобразить святую простоту.

– Стас, не придуряйся, ладно? – Гуров окинул его изучающим взглядом и иронично усмехнулся. – Я же видел, как ты нарочно делал ошибки, чтобы остаться с ней наедине. Ее зовут-то хоть как?

– Даша, – сокрушенно вздохнув, неохотно сообщил Крячко.

«И как только этот Лева, черт побери, ухитрился меня раскусить?»

– Ну а тебя-то что так разобрало?

– Да ничего меня не разобрало. – Лев Иванович пожал плечами. – Тебе не кажется, что сложившиеся обстоятельства не слишком подходят для флирта?

– Да ну тебя! – Стас сердито отмахнулся. – Похоже, у вас с Петрухой уже какая-то навязчивая идея. Ладно, все, хорош трепаться о ерунде! Поехали, узнаем насчет билетов! Я думаю, все-таки сначала обратимся к авиации.

– Пошли!.. – Гуров хлопнул его по плечу и рассмеялся.

Они спросили у прохожего, как найти кассы, и услышали, что им сейчас надо идти прямо, потом направо, потом опять прямо, потом налево.

– Только, мне так думается, на авиацию вы зря рассчитываете, – сочувственно пояснил их собеседник, сокрушенно покачав головой. – Быстро и без лишней мороки улететь на острова на самолете – все равно что выиграть в лотерею. Сейчас там непогода, застрянете тут как минимум на неделю. Да это еще что! Я лично дожидался рейса на Кунашир, отложенного аж на двадцать дней! Надежнее, конечно, на теплоходе. Тем более что он отправляется уже завтра.

Приятель вопросительно переглянулись и попросили словоохотливого сахалинца подробнее рассказать им о варианте морской поездки до Курил. Тот понимающе кивнул и пояснил, что к островам ходят пассажирские теплоходы. Билеты на них достать можно, правда, тоже не без заморочек. Все-таки сезон соответствующий, да и авиация на приколе. Из-за этого у морских касс порой случается настоящий ажиотаж. Особенно в последние дни. Иногда бывает сложно купить билеты даже на палубные места.

– Это что еще такое? – Крячко недоуменно наморщился.

– Места, которые не имеют номеров. Где приткнулся, там и сел. – Мужчина рассмеялся. – У меня на Итурупте брат проживает. Я к нему, случается, езжу в гости. Приходилось и на палубе обретаться. Ничего особенного в этом нет. Тем более что плыть туда не месяц. Ночь перекантуешься, а назавтра уже будешь на месте. К тому же сейчас на Кунашире судно подходит к новому причальному комплексу и швартуется прямо у берега. Не надо пересаживаться на плашкоут и ползти на нем к суше. Раньше такая высадка пассажиров занимала до семи часов.

– А плашкоут – это что такое? – осведомился Стас.

– Самоходная баржа, – без намека на иронию пояснил их собеседник. – Но учтите, что надо быть готовым к тому, что высадка все равно может затянуться не на один день. Я как-то осенью к брату отправился, так из-за шторма мы неделю не могли сойти на берег. Так в море и обрелись, пока волна не утихла.

– Да, тут у вас не соскучишься! – Лев Иванович удивленно покрутил головой. – Так, а где оно, это самое пароходство? В какой стороне?

Мужчина пояснил, что добраться до означенной конторы теоретически можно даже пешком.

– Касса вон в той стороне. – Он указал куда-то вправо. – На верхнем этаже универсама «Новинки». Найти его несложно.

Сыщики поблагодарили своего собеседника за столь подробную информацию и зашагали в указанном им направлении. По пути они пару раз уточнили маршрут продвижения и не через

самое продолжительное время поднимались по лестнице. Полковникам вновь пришлось продираться через толпу туристов, идущих им навстречу. Люди были явно разочарованы. Они, как видно, остались без билетов.

Лев и Станислав поднялись в холл касс, где увидели всего несколько человек, которые, как видно, заблаговременно покупали билеты на будущие рейсы. Из какого-то кабинета с дверью без таблички вышли двое мужчин, которые что-то негромко обсуждали. Один из них был в обычном костюме, другой – в мундире гражданского морского флота.

Опера подошли к ним и поинтересовались перспективами приобретения билетов на завтра. Мужчина в штатском посмотрел на визитеров взглядом психиатра, пациент которого надумал удить рыбу в унитазе.

Потом он категорично уведомил их:

– На пятницу билетов нет. Не знаю, есть ли и на понедельник. Видите ли, сейчас самый пик перевозок. Так что не знаю, чем вам помочь.

– А нас не интересует, можете вы нам помочь или нет! – нахально уведомил его Стас. – Мы, видите ли, не туристы, а сотрудники Главного управления уголовного розыска и на Курилы направлены по вопросу государственной значимости.

Приятели показали свои удостоверения и командировочное предписание. По несколько вытянувшимся лицам представителей флота было заметно, что это произвело на них весьма неординарное впечатление. Моряк задумчиво потер подбородок и вопросительно посмотрел на своего собеседника. Мужчина в штатском еще раз пробежал взглядом по документам, тягостно вздохнул и пожал плечами.

– Найти пару мест на палубе еще можно было бы, но захотят ли господа полковники из Москвы путешествовать под открытым небом? – осведомился он.

– Захотят-захотят! – точно с таким же подтекстом категорично уведомил Гуров. – Значит, два места нам найдутся. Я правильно понял? Тогда будьте любезны распорядиться, чтобы нам продали билеты.

Он достал из кармана бумажник и выжидающе взглянул на человека в штатском. Тот, как видно, не ожидал подобной решительности от столичных сибаритов и указал на крайнее, глухо закрытое окошко кассы.

Опера проследовали за ним, а он постучал в картонку и негромко окликнул:

– Люсенька, открой!

В окошке появилась жизнерадостно улыбающаяся кассирша. Узнав, в чем суть вопроса, она оперативно оформила два билета с этими самыми нулевыми местами. Довольные хотя бы таким результатом, Лев и Станислав направились к выходу. Неожиданно их окликнул моряк.

– Если позволите, маленький совет, – сказал он, чему-то улыбнувшись. – На судне много студентов, молодежи. Они вряд ли будут всю ночь напролет сидеть в своих каютах. Так что есть возможность с кем-нибудь договориться о том, чтобы хотя бы несколько часов поспать в нормальных условиях.

Поблагодарив его за достаточно дельную подсказку, приятели вышли на улицу, узнали у прохожих, где находится какая-нибудь достаточно приличная гостиница, и вскоре нашли заведение под названием «Мечта». Не мешкая и не торгуясь, они взяли двухместный номер до завтра.

После четырех они сходили за пропусками и довольно рано завалились спать.

Часов в девять утра московские гости, успевшие позавтракать, распростились со своим временным приютом и отправились на автобусную станцию. До Корсакова отсюда было около сорока километров. Это не более часа езды, даже с учетом не самого идеального состояния дорог.

Через полчаса пути справа открылась небесная голубизна бескрайнего залива Анива. Слева высились сопки, покрытые лесом и густыми кустарниками.

– Какая красотища! – уже в который раз повторял Крячко, не выпуская из рук цифровую фотокамеру, специально захваченную в дорогу.

Приятель прибыли в Корсаков часам к десяти и разыскали пассажирский порт. Там их уведомили, что судно на Курилы отбудет в шестнадцать часов, строго по расписанию – минута в минуту. Если, конечно, не произойдет какого-нибудь форс-мажора.

Делать им было нечего, поэтому опера отправились в ближайшую харчевню, чтобы убить время за вторым завтраком. Здесь преобладали блюда корейской кухни. Опера предпочли заказать что-нибудь исключительно рыбное или овощное. Мясное ими было отвергнуто категорически. Кто знает, мычало вчера это мясо или лаяло?

Среди прочего им принесли и нечто совершенно непонятное, но очень вкусное. Оказалось, что это блюдо было приготовлено из гигантского сахалинского лопуха.

Поскольку времени у них все равно было в избытке, приятели решили немного побродить по окрестностям порта. Они осмотрели старый, полуразрушенный, не исключено, что еще японский, многогранник башни маяка. Потом сыщики поднялись на холм и окинули взглядом обширную гавань с темнеющими в товарном порту рядами своеобразных сутулых силуэтов порталных кранов. Они прогулялись по приморскому бульвару, где обратили внимание на какой-то обелиск замысловатой формы в виде вздыбившихся к небу лент матросской бескозырки. Полковники дошли до кладбища кораблей, где еще на плаву или уже на глубине залива пребывали суда, отжившие свой век.

Они решили вернуться к причалу по короткой дороге и забрели в довольно пустынный закуток, поросший многометровым бурьяном. Им пришлось возвращаться назад, чтобы не заблудиться в этих дебрях.

Лев Иванович огляделся и негромко сказал:

– Стас, у меня такое ощущение, что за нами кто-то следит.

– Да? – удивился тот. – Между прочим, мне тоже кажется, что нас пасут.

Почти сразу же, как бы подтверждая их общие подозрения, из гущи зарослей с двух сторон неожиданно вывалилась компания густо татуированных парней. Их было пятеро, слабаками они не казались и настроены были явно не очень-то миролюбиво. Демонстративно дымя сигаретами, ребята всячески показывали свою крутизну.

Ломовик в полосатой тельняшке с мощной, бочкообразной грудью и толстенными руками поигрывал длинным куском массивной стальной цепи. У двоих в руках были куски арматуры, еще у одного – финка. Тип в бандане и камуфляжном охотничьем костюме подкидывал в руке травматический пистолет.

– Все, фраера, вы свое отгуляли! – глумливо заявил тип в бандане.

Его кореша, чувствующие себя хозяевами положения, привольно загоготали. Лев и Станислав быстро переглянулись, мгновенно определили свои ответные действия и разом сбросили дорожные сумки с плеча.

Тип в бандане в этот самый момент в очередной раз подкинул пистолет, но поймать его уже не успел. Крячко незаметно поддел носком ботинка увесистый камень и без замаха, мощным броском запустил его бандиту прямо в голову. Угловатый кусок песчаника на лету задел подброшенный пистолет, и тот с лягом отлетел куда-то в сторону. Камень ударился в скулу негодяя и до крови разрубил мякоть. Тип в бандане вскрикнул, схватился за лицо и согнулся пополам.

В этот момент Гуров ринулся на крайнего слева, долговязого худосочного брюнета с крупным носом, который вертел в руке обрезок арматуры. Тот отшатнулся назад. Лев Иванович тут же сменил направление своего броска, круто развернулся вправо и оказался лицом к лицу с ломовиком с цепью. Тот едва успел замахнуться, получил стремительную серию из

трех оглушительных ударов в голову и с выпученными глазами распластался на притоптанном бурьяне.

Как видно, успев сообразить, что их шакалья стая навалась на серьезные приключения, все прочие бросились наутек.

Крячко подхватил из травы пистолет, выстрелил в воздух и зычно скомандовал:

– Всем стоять! Иначе стреляю на поражение!

Супермены неохотно остановились. Они испуганно таращились на грозных незнакомцев, которые в один миг обратили их из безжалостных хищников в донельзя напуганных овец.

– Что мы с ними будем делать? Как поступим? – поинтересовался Стас, продолжая держать на мушке незадачливых грабителей.

– Сдадим местным коллегам, – подобрав финку и обе арматурины, деловито рассудил Гуров. – Эй, вы, двое! Ну-ка, толстяка подняли и повели. А ты помогай вот этому, с разбитой мордой. Если кто надумает бежать – догоню в момент. Штаны распушу по шву ножом от пупка до поясницы. А в таких штанах, сами знаете, – в «хате» лучше не появляться. С такими штанами там прямая дорога в петушиный угол. Никто в петухи не хочет? Тогда вперед!

Появление кодлы отморозков, конвоируемых аж полковниками, представителями Главного управления уголовного розыска, произвело настоящий фурор в райотделе. Как оказалось, эту шайку, прибывшую сюда с материка, здесь разыскивали уже давно, но безуспешно.

Пятеро негодяев, все без исключения имевшие минимум по два срока, на Сахалин навывались лишь время от времени, чтобы там подхарчиться. Когда на них начиналась крупномасштабная охота, они вовремя смывались на материк. Месяц-два спустя, когда все несколько затихало, отморозки снова отправлялись на промысел. Эта встреча поставила жирную точку на их приключениях.

Глава 4

В порт опера вернулись за полчаса до посадки на судно, которое уже покачивалось на волне у причальной стенки. Сыщики догадались, что рамка металлодетектора была установлена здесь в большей степени для блезира. У них не имелось никакой уверенности в том, что она вообще работала. Перед ней скопилась весьма обширная толпа, где-то под две сотни человек. Пассажиры держались вполне раскованно. Чувствовалось, что многие здесь лично знакомы друг с другом.

Толпа, разбившаяся на отдельные компании, гомонила на разные голоса. Одни обсуждали погоду на островах и предполагаемые перспективы роста цен на билеты, другие делились какими-то своими кулинарными изысками, третьи обсуждали вчерашнее происшествие в Корсакове. Некий товарищ к вечеру сверх меры употребил горячительного и вдруг прямо посреди улицы начал сбрасывать с себя одежду. «Помогите, горю!» – орал он.

У самого входа на причал какой-то завзятый хохмач, отпивая из бутылки пиво, рассказывал хохочущим слушателям, как он недавно в Стране восходящего солнца покупал себе подержанное авто и торговался с его владельцем на придуманном тут же тарабарском языке, стилизованном под японский.

– Я его спрашиваю: «Мусю сяпу бяку-бяку? Аханава кама-мама?» Он глазами хлопает и говорит мне: «Вакаримасэн!» Мол, я не понимаю. Я ему снова: «Хара мупи дэкипупу бабалаба?» У него, бедного, аж пар из ушей пошел. Просит по-своему повторить еще раз. Я так и сделал. Он трясет головой – что за чертовщина? В общем, общались мы с ним таким способом почти полчаса. Бедный самурай аж взмок от натуги. Он уж мне и на бумаге писал, сколько хочет получить, и руками показывал. Потом плюнул, зачеркнул первоначальную цену и нарисовал другую, вдвое меньше. Вот! Я его тут же понял без пояснений. Бабки отдал, документы оформили и до свидания, сае нара!

– Ну ты и артист! – Какой-то слушатель рассмеялся и восторженно хлопнул его по плечу.

– Да уж! – глядя в сторону рассказчика, резюмировал Крячко. – Правильно говорят, что талант не пропьешь. Если он у кого-то есть, то это навсегда.

Вскоре началась погрузка на борт теплохода с темно-синим корпусом и белоснежной надстройкой.

Поднимаясь по трапу, Стас восхищенно причмокнул и заявил:

– Эх, до чего ж мне нравится море! Если бы не стал опером, то пошел бы во флот! – Он мечтательно улыбнулся, тронул Гурова за локоть, ступил с трапа на палубу судна и вопросительно огляделся по сторонам. – Ну и где бы нам тут приткнуться? – риторически спросил Крячко, оглянувшись на товарища.

– Где можно сесть, там и обоснуемся, – абсолютно безмятежно откликнулся тот.

Путешественники нашли скамейку наподобие парковой, расположились на ней и наконец-то сбросили с плеч свои дорожные сумки. Почти сразу же после этого опера по очереди сходили в судовой буфет. Идти вдвоем было никак нельзя. Вдруг в это время кто-то займет их места? Не лезть же потом в драку! Цены на блюда оказались почти ресторанными, но опера подкрепились достаточно плотно и почувствовали себя вполне довольными судьбой.

В этот момент были отданы концы. Громадное судно дрогнуло и двинулось от причала. Теплоход развернулся на просторе акватории порта, издал протяжный гудок и устремился курсом зюйд-ост, к выходу из залива.

Лев Иванович наблюдал за пассажирами. Едва ли не все они чувствовали себя на судне как дома. Гуров заметил большую шумную компанию студентов. Они, скорее всего, отправлялись за заработки, решили провести каникулы на каком-то предприятии по переработке

рыбы. Эти парни и девушки тоже чувствовали себя на теплоходе завсегдатаями, без конца затевали какие-то состязания и шуточные потасовки.

Привлекая к себе всеобщее внимание, четверо парней весьма артистично исполнили пародию на «Танец маленьких лебедей» под вокальный аккомпанемент своих однокашников. Потом кто-то принес гитару, и компания очень даже душевно исполнила давний советский хит про «пароход белый-беленький, черный дым над трубой».

Приятеля слушали песню, смотрели на синие с изумрудным отливом волны, бегущие по Аниве, и размышляли о чем-то своем.

– Никогда бы не подумал, что от Сахалина до Курил добираться придется дольше, чем от Москвы до Южно-Сахалинска, – философично констатировал Гуров, наблюдая за полетом немного вальяжных чаек и стремительных, проворных бакланов.

– Это еще что! – Станислав хохотнул. – Никогда бы не подумал, что эту ночь придется провести на палубе. Хорошо, если дождя не будет, а то, я гляжу, тучки гуляют нехорошие. В любую минуту начнет моросить.

– Не раскиснем, не сахарные, – флегматично парировал Гуров. – На крайний случай можно будет постоять в коридоре пассажирского отсека.

Но экстремальность приятелям не пришлось. Вскоре теплоход обогнул левый край залива, взял чуть восточнее и пошел в открытое море, навстречу сгущающимся сумеркам. Тут к студентам подошел помощник капитана, о чем-то с ними переговорил и чуть заметно кивнул в сторону оперов. Студенты некоторое время шушукались. Потом к лавочке, на которой обосновались Гуров и Крячко, подошел один из «маленьких лебедей», внешне очень похожий на Тома Круза.

Парень приятельски ухмыльнулся и чуть витиевато предложил:

– Уважаемые господа, не соблаговолите ли вы занять более комфортные места взамен этого плацкарта? Нам сказали, что вы люди уважаемые, негоже вас мариновать под открытым небом. Прошу! – парень указал на дверь пассажирского отсека.

– Спасибо, конечно, огромное. – Лев Иванович пожал плечами. – Но удобно ли кого-то оставлять без места под крышей? А вдруг непогода?

– Пустяки! – Молодой человек махнул рукой. – Потеснимся! Мы все равно до утра будем на палубе – тут интереснее. К тому же для нас большая честь явить гостеприимство для настоящих мужчин, которые задержали шайку отморожков, терроризировавших наших земляков. Прошу!

Приятеля рассудили, что отказываться от предложенной помощи не стоит. Это было бы в некотором роде пижонством. Они подхватили свои сумки и вскоре уже укладывались на спальные места в восьмиместной просторной каюте с четырьмя двухъярусными койками. Провожатый показал своим подопечным, где им надлежит расположиться, хитро улыбнулся и быстро ушел восвояси.

Лев Иванович увидел, что Стас собирается раздеться, и остановил его.

Гуров демонстративно принялся, упреждающе поднял палец и вполголоса сказал:

– Чую, что-то тут не то! Ты чувствуешь, чем пахнет? Женскими духами. Я вижу, народ тут едет не скучный, явно склонный ко всяким там розыгрышам и приколам. Да и наш благодетель что-то очень уж загадочно улыбался. Так что выводы делай сам. Мне кажется, раздеваться не стоит. Так, на всякий случай.

Крячко тоже принялся, озадаченно почесал затылок и согласился с тем, что ситуация и в самом деле неоднозначная. Он лишь сбросил туфли и, не раздеваясь, вытянулся на койке.

Как и предыдущей ночью, Лев Иванович долго принуждал себя окунуться в сон. Он мысленно считал баранов, чаек, дельфинов, потом слонов, неспешно идущих неведомо куда.

Тут все разом исчезло. Он увидел себя плывущим по океану на знаменитом плоту «Кон-Тики». Гуров был совершенно один. Вокруг него над бескрайним морским простором порхали

какие-то дивные, сказочные птицы и огромные бабочки радужных расцветок. Сквозь толщу прозрачной синей воды он видел дно, усеянное разноцветными валунами, между которыми темнели старые парусники с пробоинами в бортах. Но самое потрясающее состояло в том, что через эти бреши были хорошо видны сундуки с сокровищами.

«Так! – мысленно рассудил Гуров. – Это место надо будет запомнить и направить сюда команду археологов. Тут им работы – край непочатый».

Неожиданно с разных сторон к плоту подплыли несколько русалок. Девы с зелеными волосами и глазами улыбались и с интересом смотрели на путешественника. Лишь одна из них отчего-то была задумчивой, совершенно серьезной.

Оглядевшись по сторонам, она громко сказала:

– Ну этот Костя и паразит! Что-нибудь да отмочит. Ладно, я ему сейчас покажу!

Лев Иванович тут же вырвался из мира сновидений, открыл глаза и в смутном свете ночных плафонов увидел девушку в тонком светлом костюме, которая направлялась к двери. Все места на койках были уже заняты худенькими и пухленькими, рыжими и русыми девицами. Это был женский кубрик!

Откуда-то до Гурова донесся чей-то разговор о проливном дожде. Значит, погода все-таки решила проявить свой характер. Поэтому молодежь досрочно завершила свои посиделки на палубе.

Что же теперь делать? Собрать манатки и покидать помещение?

Пока Гуров анализировал происходящее и решал, как ему быть – сразу сваливать с этого уютного места или немного подождать, хозяйка занятой им койки вышла в коридор, однако тут же вернулась. Следом за ней, улыбаясь, вошел тот самый парень, который привел сюда оперов.

Девушка уперла руки в бока и строго заявила:

– Костя, это что за фокусы? Тебе же было сказано, что места надо найти в мужском кубрике. Чего дурака-то валяешь? Куда мне теперь деваться?

– Девушка, идите, я уже встаю! – поднимаясь с койки, громко сказал Гуров.

– Вы лежите! – Она быстро подошла к нему, уперла в его плечо ладошку и заставила лечь. – Вы думаете, для чего этот клоун все затеял? Чтобы я пошла в его кубрик и легла там вместе с ним. Верно? Ведь так? – с ироничной язвительностью спросила девушка Костю.

Парень конфузливо рассмеялся и с показной бравадой залихватски парировал:

– Тая, ну и что тут такого? Подумаешь, пообнимались бы чуток! Чего ты, в самом деле? Не надо ломаться-то. Все нормально. Тая, немедленно меняй гнев на милость. Идем ко мне! Обещаю, буду скромненький, как постыющийся монах.

– Фигушки! – насмешливо протянула Таисия. – Размечтался!.. Хочешь, чтобы я пополнила твою коллекцию? Да лучше уж я попрошу потесниться этого приличного мужчину. Он вызывает у меня гораздо больше доверия, чем ты, прохиндей. Вы не подвинетесь к стеночке? – с нотками демонстративной, чуточку злорадной мстительности спросила Тая.

Не дожидаясь ответа, не давая Гурову опомниться, она и в самом деле решительно легла рядом с ним и прижала его к стенке.

Сыщик едва удержался от смеха, когда встретился взглядом со Стасом, который уже проснулся и взирал в его сторону с нескрываемой завистью. Крячко многозначительно подмигнул товарищу и покрутил головой. Мол, жаль, что Мария этого не видит! Хозяйка койки, занятой Стасом, хорошенькая шатенка, уже успела пристроиться к одной из своих подружек. Поэтому ему подобное приятное соседство никак не светило.

Гуров понимал, что этот демарш Таи продиктован ее желанием позлить ухажера, чем-то не угодившего ей. Помрачневший Костя хмуро поглядел на девушку, некоторое время потоптался на пороге и с кислым видом скрылся за дверью.

Лев Иванович попытался выбраться из своей медовой западни. Но девушка решительно остановила его попытку подняться и уйти.

– Пожалуйста, еще одна минута, и я заберусь к Любе! – Она просительно улыбнулась и указала на верхний ярус. – Он сейчас вернется, захочет проверить, а вдруг вас рядом уже нет? Пусть поспихует!

Тая оказалась права. Как она и предполагала, менее чем через минуту дверь без стука распахнулась, и в кубрик снова заглянул Костя. Судя по его лицу, он уже жалел о своей проделке с размещением приезжих в кубрике у девчат и дико ревновал. Увиденное добило его окончательно. Костя скрылся за дверью, громко хлопнув ею напоследок.

– Все! Уже ухожу! – шепотом сообщила девушка, но тут же с озорными искорками в глазах наклонилась к его лицу и еще тише спросила: – Или мне все-таки остаться?

Видимо, в глазах Гурова в этот момент она прочла нечто такое, отчего сочувственно рассмеялась, с проворством лесной куницы быстро поднялась на верхний ярус и скомандовала:

– Ну-ка, Люба, двинься! Ишь, разлеглась!

– Ой, Тайка! Бедного Костю уделала по полной. – Люба укоризненно вздохнула. – Смотри, как бы не надумал утопиться!

– Костя?! Утопиться?! – Тая саркастично рассмеялась и перешла на шепот: – Утопится он! Ага! Уж если этот фрукт кого и любит по-настоящему, то только самого себя. Знаешь, что он пацанам трепанул? Типа, чего эта Тайка из себя недотрогу корчит? Да если захочу, таких Таек сотню себе найду!

– Да ну!.. Может, врут? – усомнилась Люба.

– На него это похоже.

Пересмеиваясь, девушки перешли на чуть слышный шепот.

Лев Иванович решил не мешать им болтать, обулся и почти бесшумно вышел из кубрика. Он поднялся на мокрую палубу, пахнущую дождем, ухватился за металлические леера и смотрел на звезды, проглядывающие через разрывы в облаках, на отблески судовых огней, плывущие на вершинах волн.

«Ну, блин, и шуточки у современной молодежи! – постепенно приходя в себя, мысленно резюмировал Гуров. – Девчонка-то вроде серьезная, а отмочила такое – хоть стой, хоть падай. Черт!.. Нет, они уже другие, не такие, какими были мы в их годы. У них совсем другие представления, понятия о том, что можно, а чего нельзя. У нас эти рамки были поуже».

Сзади слышались шаги. Гуров оглянулся и увидел Стаса. Тот, жизнерадостно ухмыляясь, встал рядом, толкнул друга в плечо и с хитрой подначкой поинтересовался:

– Ну и как ты? Ощущения, как в той песне: «Вся душа моя пылает, вся душа моя горит»? Да, Лева, женщины – это наше счастье и наказание, – философски рассудил он. – Только не говори, что остался к Тае равнодушен и тебя такое тесное соседство с ней никак не всколыхнуло.

– А ты считаешь, что всколыхнуло?

Голос Льва звучал флегматично, но Крячко был непоколебим.

– Конечно! – заявил он. – Чуется мне, что тебя там и плющило, и колбасило. Признайся хотя бы самому себе: будь вы с ней в каюте лишь вдвоем, ты вряд ли устоял бы.

Гуров немного помолчал, чуть двинул плечами и возразил все с той же флегмой в голосе:

– Нет, Стас, не произошло бы ровным счетом ничего.

Где-то невдалеке слышались осторожные шаги. Лев Иванович оглянулся и увидел темный силуэт с огоньком сигареты, бесцельно влекущийся мимо. Он сразу же узнал Костю. Судя по всему, тот их тоже угадал и очень этому удивился.

Парень встал у леера невдалеке, выпустил клуб дыма и с горечью, как бы сам себе, объявил с претензией на обидчивый сарказм:

– Что, тетки надоели, на молоденьких девочек потянуло?

Опера молча переглянулись.

– Невысокого же ты мнения о людях, – с насмешливым укором парировал Гуров. – Надо же, как быстро ты сделал выводы! Я смотрю, у тебя бездна претензий к кому угодно, но только не к самому себе.

– Думаете? – язвительно спросил Костя, давая понять, что сам-то он вовсе иного мнения.

– Знаешь, вначале ты мне показался нормальным парнем с крепкой натурой и здоровым чувством юмора, – не спеша заговорил Гуров. – А вот теперь ты сам выказываешь себя растерянным, рефлексирующим слабаком. Хотя причина твоих неудач в тебе самом, и никак не в других людях. Догадываешься почему?

– Готов выслушать вердикт эксперта по части морали и нравственности, – с желчной язвительностью откликнулся Костя, швырнув окурок за борт.

Проигнорировав его эмоциональный посыл, Лев заговорил как учитель, объясняющий урок хроническому двоечнику:

– Ну и послушай. Ты психуешь из-за Таи? А есть ли смысл? Да, в среде девочек определенного пошиба ты почти бог. Но тебе они неинтересны – пустышки, что с них взять? Ты с ними переспал и расстался. Тебе подавай Таю. Она сильная натура и ронять себя не намерена. Но ей не очень интересен ты, хотя как будто и не дурак, и в тебе есть что-то стоящее. Но она чувствует, что ты и ее воспринимаешь как одну из тех девочек-однодневок, с которыми всегда имел дело. Ничего удивительного – это типичная звездная болезнь. Поэтому Тая и разыграла перед тобой эту, я бы сказал, хулиганскую сценку. В итоге ты сейчас готов прыгнуть за борт. Я прав?

– Возможно. – Костя понурил голову и тягостно вздохнул.

– Это называется нашла коса на камень. – Станислав негромко рассмеялся. – Она показала характер, дала понять, что дешевкой себя не считает. Вот это тебя и разозлило. Теперь нервами исходишь. Рано или поздно это должно было произойти.

Костя, терзаемый не на шутку разболевшимся самолюбием, взлохматил волосы и с вызовом повернулся к Гурову.

– Вот вы согласились поучаствовать в той постельной интермедии, которую затеяла Тая, – с нервозностью в голосе заговорил он. – У вас, наверное, есть жена. Однако вы не отказались пообниматься с молодой красивой девчонкой. Верно? Неужто у вас в тот момент не появилось вполне понятного желания? Признайтесь!

Стас с ходу уловил все коварство этого вопроса и поспешил ответить за товарища.

– У меня возникло! – с той же степенью вызова объявил он. – Можно даже сказать, жгучее. А знаешь почему? Потому, что ты сегодняшний – это я вчерашний. Я тоже когда-то скакал направо и налево. Что сегодня? У Льва Ивановича замечательная жена, ведущая прима крупного московского театра, которой, кстати, он принципиально никогда и ни с кем не изменяет. А я когда-то сделал главную ошибку – упустил ту единственную, которую терять не имел никакого права. Вот и все! Что еще рассказывать? Думаю, этого вполне достаточно. Так что, хлопчик, в жизни надо быть, а не казаться. Я не слишком сложно объяснил?

– Не слишком. – Костя достал новую сигарету, прикурил и зашагал дальше.

– Да, – глядя ему вслед, вполголоса произнес Гуров. – Нынешним молодым пальца в рот не клади – враз откусят. Все-таки они от нас здорово отличаются. Не хочу чего-то плохого сказать о той же Тае, но среди бывалых девчонок семидесятых-восьмидесятых едва ли нашла бы такая, которая столь свободно плюхнулась бы под бок незнакомому дяде, пусть даже из очень большого желания позлить своего парня.

– Плоды либерализма, – наморщив нос, констатировал Крячко. – То ли еще будет!

Через полчаса опера слегка продрогли на предутреннем студенческом ветру Охотского моря. Они вернулись в кубрик, на цыпочках прошли к своим местам и очень скоро уснули.

Как видно, в ходе этого плавания судьба не была настроена подарить им покой. Приятели проснулись от горестных охов и причитаний, издаваемых их соседками по кубрику. Сокрушенно всплескивая руками и утирая платочками глаза, девушки очень сильно переживали по поводу какого-то неприятного происшествия, заметно их расстроившего. Опера поднялись со своих коек и поинтересовались причинами столь горестных переживаний.

Как оказалось, прошедшей ночью у всех без исключения девушек пропали документы. Теперь, понятное дело, им придется возвращаться домой, даже не ступив на землю Курильских островов.

– Лев Иванович! Станислав Васильевич! Вы же, говорят, знаменитые сыщики, – с горечью в голосе и непонятными бесенятами в глазах слезно проговорила Тая. – Вы не могли бы нам помочь? Думаю, вы владеете дедукцией, и вам эта пропажа – сущий пустяк. Найдите, пожалуйста, наши документы!

– Да! Найдите! Помогите нам!.. – зачастил грустный хор девичьих голосов.

Окинув взглядом донельзя расстроенных девчонок, Гуров сочувственно покачал головой и объявил, что хотел бы для начала умыться и так далее, а уж потом взяться за розыски.

– Идем, Станислав Васильевич, приведем себя в порядок. Работа нам предстоит очень непростая, – обернувшись к Стасу, с некоторой торжественностью объявил он.

Крячко уловил в его словах оттенок иронии.

Он мгновенно понял все, что на самом деле имел в виду Лев Иванович, и тоже с долей напыщенности провозгласил:

– От нас не спрятаться – достанем со дна Охотского моря!

Стас специально разыграл из себя эдакого самовлюбленного всезнайку, мыслящего о себе невесть что. Краем глаза наблюдая за студентками и парнями, прибежавшими их морально поддержать, Крячко заметил ехидную многозначительную усмешку на лице Кости.

Когда опера оказались в туалетной комнате, он чуть слышно спросил у Гурова:

– Лева, подозреваешь розыгрыш?

– Вне всяких сомнений! – Сыщик рассмеялся. – Вспомни себя в их годы. Самое время хохмить и прикалываться. Ничего, сейчас мы им покажем сеанс дедукции!

Обговорив детали расследования, они вернулись в кубрик и объявили, что документы похитил кто-то из их же компании студентов. В ответ на протестующие возгласы Гуров заявил, что, если кто-то с этим мнением не согласен, то пусть сам ищет пропажу. Все сразу же притихли. Раз уж эти два опера такие крутые, то пусть покажут, на что способны.

– Я прошу всех рассестись так, чтобы вам можно было взяться за руки и образовать по периметру этой комнаты живое кольцо, – невозмутимо объявил Гуров. – Поясню, для чего это нужно. Тот, кто похитил документы, постарается это скрыть и этим самым себя неминуемо выдаст. Я сейчас буду каждого поочередно спрашивать, не он ли взял паспорта. Вы должны ответить «нет». Но надо учесть, что, говоря так, вор рефлекторно сожмет в своих руках руки соседей. Они тут же это почувствуют, и похититель будет изобличен ими.

– Все так просто? – с разочарованием спросила Люба. – А где же логические рассуждения и всякие там умозаключения?

Тем не менее студенты послушно расселись в том порядке, как им показал Гуров, и взялись за руки. Лев Иванович пошел по кругу.

Он останавливался на каждом шагу и всем подряд задавал один и тот же вопрос:

– Похищенное у вас?

Каждый, отвечая «нет», делал это по-своему. Кто-то со скучающим видом, кто-то с саркастичной усмешкой, кто-то с затаенным любопытством. Лев Иванович завершил круг, и они со Стасом молча обменялись взглядами, как будто что-то согласовали.

Гуров утвердительно кивнул, указал на одну из девушек и объявил:

– Документы у вас! Они не похищены. Это был коллективный розыгрыш. Вы решили проверить, способны ли хоть на что-нибудь эти хваленые сыщики. Вот мы вам и показали, что свой хлеб едим не даром. Так что будем доставать пропажу? Я так понимаю, документы спрятаны за пределами этого кубрика. Верно?

– Да. – Девушка растерянно улыбнулась. – А как вы смогли догадаться? Я же старалась руки не напрягать.

Лев Иванович чуть пожал плечами и ответил:

– Вот это вас и выдало. Ваша сосредоточенность на своих руках сразу же бросилась нам в глаза. Надо быть наблюдательным, уметь за взглядом, мимикой, движениями рук и тела видеть то, что ваш визави хотел бы от вас скрыть.

– Да и вообще, ребята, говоря по-народному, мы вас слегка обдурили, – с таинственной улыбкой добавил Станислав. – Как? Очень просто. Когда Лев Иванович рассказал вам про то, как мы якобы намереваемся вести поиск, вы настроились на противодействие этой методике, чтобы ваш фокус удался. Но мы следили не столько за руками этой милой девушки, сколько за вашими взглядами. Вы более чем красноречиво сами указали на ту особу, у которой и находится то, что вроде как было похищено.

– Ну!.. – разочарованно протянул один из парней. – Развели нас как лохов! А мы-то думали, что вы начнете каждого опрашивать, сопоставлять, уличать, ловить на расхождении в показаниях. Даже как-то неинтересно!

Гуров выслушал его, от души рассмеялся, покачал головой и сказал.

– Детский сад, да и только! Насмотрелись высосанных из пальца, совершенно нереальных детективчиков, где проникательный сыщик несколько часов подряд размышляет, каким концом спички чиркал подозреваемый, прикуривая сигарету.

– Ага! А потом еще два часа думает, с какого конца он ее прикурил! – добавил Крячко. – Если бы мы расследовали преступления только с использованием этой самой дедукции, то не сделали бы и половины той работы, которую выполняем за год. Военная хитрость еще никогда и никому не мешала.

– Какая разница потерпевшему, да и нашему начальству, каким именно способом мы раскрыли преступление? Так что, Станислав Васильевич, после трудов праведных не худо было бы и подкрепиться, не так ли? – Гуров повернулся к Стасу и вопросительно мотнул головой.

– Я абсолютно с тобой солидарен, Лев Иванович! – с ироничной помпезностью откликнулся Крячко.

Друзья вышли из кубрика и направились в буфет.

Неожиданно сзади хлопнула дверь, и послышались легкие торопливые шаги. Приятели оглянулись и увидели перед собой Таисию. Девушка выглядела несколько смущенной.

– Лев Иванович, Станислав Васильевич! – тиская руки и заливаясь краской, сбивчиво заговорила она. – Понимаете, вчера я так разозлилась на этого чертова плейбоя Костю, что, желая его позлить, кажется, перешла некоторые границы. Наверное, вы подумали, что я...

– Тая, ничего плохого мы не подумали и никогда не подумаем! – не дав ей договорить, авторитетно заверил Гуров. – Мы видим в вас очень порядочную, умную и обаятельную девушку.

– А самое главное – необычайно красивую! – доверительным тоном продолжил Станислав. – Эх, где мои семнадцать лет?!

– Спасибо вам! – Тая расцвела радостной улыбкой и поспешила обратно в кубрик.

Крячко проводил ее взглядом и мечтательно вздохнул.

В девятом часу утра на горизонте показалась темная полоска, над которой высились сизоватые конусы. Самый большой из них, скорее всего, был вулканом Менделеева. Приятели стояли на палубе и не отрываясь глядели в сторону приближающегося острова. Они вылетели из Москвы всего пару дней назад, но им почему-то казалось, что прошли недели и даже

месяцы. Столь разительно отличался этот мир от привычных, довольно-таки суетливых столичных улиц.

– Смотрите, дельфины! – донесся радостный возглас откуда-то сзади.

Опера оглянулись и увидели небольшую стаю этих дивных обитателей моря. Дельфины плыли параллельным курсом, выпрыгивали из воды и снова исчезали под волнами.

Помощник капитана, стоявший неподалеку, кивком указал в их сторону и негромко сказал:

– Раз появились дельфины, значит, погода будет хорошей. В шторм их не увидишь. С погодой нам, можно сказать, здорово повезло. Тут каждый ясный денек, наподобие сегодняшнего, – за праздник. Дня два назад была такая качка!.. Кто послабее, с ума сходили от морской болезни.

Вскоре на палубу, залитую солнцем, выбрались почти все пассажиры. С разных сторон доносились разговоры, смех, музыка. Атмосфера и в самом деле сложилась почти праздничная.

Остров поднимался из пучины морской, разрастался, становился все рельефнее и красочнее. Вскоре среди зелени, холмов и сопок стали видны прямоугольные силуэты построек Южно-Курильска.

– Всегда поражался скудости фантазии наших чиновников, – глядя на далекие, еще совсем крохотные дома, отметил Гуров. – На этом архипелаге сразу три населенных пункта с оригинальнейшими названиями: Курильск, Южно-Курильск и Малокурильск. Уж лучше бы оставили старинные, айнские.

Теплоход направился к левому краю острова, прошел между ним и Итурупом, виднеющимся вдали, обогнул Кунашир и причалил в гавани Южно-Курильска.

Глава 5

Борт судна коснулся причальной стенки, и вереница пассажиров, прибывших в Южно-Курильск, потянулась вниз по трапу. Опера вскинули на плечи ремни своих дорожных сумок и тоже зашагали по нему.

Они впервые попали в эти края. Здешние пейзажи, главным украшением которых были громады вулканов, казались им чем-то нереальным.

Внизу, запрокинув головы, стояли многочисленные встречающие и провожающие. Рядом с трапом кучковались те люди, которые собирались загрузиться на судно и идти с ним дальше.

Гуров спускался по трапу следом за Станиславом. Он оглянулся и увидел студентов, стоявших у края верхней палубы, которые махали им вслед. Они плыли дальше, поскольку работать собирались на других островах. Лев Иванович заметил, что недвижима была одна лишь Тая, которая молча смотрела в их сторону. Костя положил ей руку на плечо и что-то усердно объяснял, но девушка его словно не слышала.

Гуров изобразил жизнерадостную улыбку и тоже помахал своим недавним попутчикам. В этот момент Крячко окинул его каким-то излишне внимательным взглядом и тоже помахал рукой парням и девчонкам, оставшимся на судне.

Очередь двигалась неспешно. На причале ее не слишком оперативно пропускал пограничный контроль в лице одного-единственного паренька с сержантскими погонами.

Тут Стас неожиданно обронил вполголоса:

– Разбил девчонке сердце!

При этом было совершенно непонятно, чего в этой фразе содержалось больше – иронии или укора.

Гуров недоуменно хмыкнул и вполголоса спросил:

– Чего? Это ты обо мне, что ли?

– Нет, о папе римском! – снова съязвил Крячко. – Понятное дело, о тебе, высококонравственный ты наш! Ты что, ничего не понял?

Лев Иванович заметил любопытствующие взгляды соседей по очереди, нацеленные в их сторону, и коротко отрубил:

– Тему закрываем, как надуманную и абсолютно неактуальную!

Стас согласно кивнул в ответ, но не смог не послать приятелю многозначительной ухмылки.

Гуров подошел к пограничнику, развернул пропуск, представился и спросил сержанта, как бы им связаться с его начальством.

Тот деловито заглянув в бумагу, энергично кивнул, жизнерадостно улыбнулся и заявил:

– Здравия желаю! О вашем прибытии нас предупредили и просили вам передать, что завтра утром сюда зайдет наш сторожевик, который и доставит вас на Шумбумаи.

Крячко недоуменно захлопал глазами, шлепнул себя по боку рукой и разочарованно произнес:

– Японский городской! Это получается, что мы еще сутки теряем? Охренеть!.. А ночевать-то тут где?

Сержант přátельски улыбнулся, кивком указал куда-то назад и пояснил:

– Тут имеются две гостиницы. Вот, например, неплохое пристанище бизнес-класса, именуемое «Айсберг». Можно устроиться там. Завтра часиков в восемь-девять я за вами зайду. Ну а если вас не устраивает катер, то послезавтра теплоход «Семен Дежнев» остановится здесь и пойдет на Шумбумаи. К ним большие суда вообще заходят раз в неделю.

– Ну уж нет! – Стас категорично отмахнулся. – На катере так на катере.

Приятель зашагали в сторону поселка, состоящего в основном из двухэтажных домов, преимущественно старой или даже совсем древней постройки. Впрочем, кое-где были заметны дома, возведенные совсем недавно. На одной из улиц еще только строилась коробка многоквартирной двухэтажки.

Поселок окружали сопки, покрытые яркой субтропической зеленью. Южно-Курильск смотрелся очень экзотично. Хотя приятели успели заметить, что здешний август больше напоминал конец сентября где-нибудь в средней полосе.

Опера увидели пожилого кунаширца, который на самодельной двухколесной тележке вез мешок, набитый неизвестно чем. Они уточнили у него, в какой именно стороне находится гостиница «Айсберг».

– А вон она, в пределах прямой видимости, на Океанской. – Мужчина ткнул рукой куда-то в сторону дальних строений. – Видите, синяя двухэтажка с коричневой крышей? Так вот это она самая и есть. А вы сюда издалека?

Предвидя его реакцию, приятели рассмеялись.

– Из Москвы, – сдержанно пояснил Гуров. – Надеюсь, мы этим вас не слишком разочаровали? А то тут, говорят, жителей столицы не очень жалуют.

Тот чуть поморщился, махнул рукой и проговорил:

– Почему же не жалуют? Конечно, к Москве у нас всегда много вопросов. Но к людям-то зачем придираются? Народ у нас хороший, гостей тут обижать не принято. Если по правде, высшее начальство нечасто про нас вспоминает. Вроде бы чего-то и делают – дома вон начали строить, пусть и понемногу, причал новый сделали. Вот только фарватер довести до ума забыли. Углубить бы его надо! Ну а вообще, если честно и откровенно, то люди у нас считают, что Курилы – это главная, извините, прачечная всего этого края. Бабок тут отмывается немерено. Построят у нас чего-то на тысячу, а в Подмоскovie тут же коттеджей появляется на миллион. – Он снова, с видом полной безнадёги, досадливо махнул рукой.

– Японцы мыслят захватить себе острова. Люди-то к этому как относятся? – с хитровой усмешкой поинтересовался Стас.

Мужчина задумчиво пожал плечами.

– Нет, в Японию наши не рвутся – это факт! – убежденно заверил он. – Хотя японцы агитацию тут разводят не слабую. У нас в поселке есть японский центр. Они к нам и сами, случается, приплывают. Называют это визитами дружбы. Наших, кто хочет посмотреть Японию, берут с собой за свой счет. Но очереди на такие поездки не выстраиваются. Нет! Я, например, один раз туда съездил, и все. А что там смотреть? Живут они, конечно, в сравнении с нами – небо и земля. У нас вон еще стоят деревянные дома, шашелем изъеденные, построенные едва ли не в сорок седьмом году. До сих пор неизвестно, когда из них людей в нормальное жилье переселят. Никто этого не знает. Но все равно к японцам мы не рвемся.

– А чем же тут люди живут? – спросил Гуров, огляделся и развел руками.

– Кто чем. – Островитянин загадочно усмехнулся. – Кого-то государство, а кого-то и море кормит. Тут бы нормальную добычу и переработку морепродуктов наладить. Люди держались бы за эти места, появился бы настоящий достаток. А то едут сюда большие шишки, всякие политики, чего-то там долдонят, обещают. Наговорят на рубль, а проку на пятак, никак не больше. Один приехал и заявил, давайте, мол, острова на русский лад переименуем. Что это, дескать, за название – Кунашир? Надо назвать по-другому. Провели опрос, и тутошние все как один эту затею забраковали. Тут не названия, а отношение к этой земле и к людям надо менять!

Кунаширец кивнул на прощание и покатил свою тележку дальше. Опера тоже продолжили свой путь к гостинице. Они шли молча, глядя на здешние ландшафты, на синюющие конуса вулканов, на островерхие пики скал. Край света!.. Если отсюда пешком идти до Москвы, то год понадобится, никак не меньше.

Приятеля размышляли о том, что слышали от здешнего жителя, о его суждениях, пронизанных как меланхоличной безысходностью, так и упертой жизнестойкостью. Собственно говоря, они уже и сами обратили внимание на то, что весь Дальний Восток являет собой территорию контрастов. Но именно Курилы были самым ярким их проявлением. Очень, мягко говоря, небогатое жите местного населения выглядело явной нелепицей с учетом колоссальных богатств этого края.

– Как ни верти, а Россию как единое государство по-прежнему спасает все тот же патриотизм, вросший в нас на генетическом уровне, – глянув вслед недавнему собеседнику, с грустью констатировал Гуров. – Для нас немыслимо предать завоевания наших предков. Но вот не знаю, будет ли молодежь придерживаться такого же мнения? Эти же студенты, которые поплыли на Шикотан?..

– Будут, да еще как! – категорично заверил Крячко. – Сам же говоришь, что патриотизм в нас сидит на генетическом уровне.

– Ага, у кого на генетическом, а у кого на долларовом. – Гуров усмехнулся. – Кое-кто втихую от всей России отдал норвегам половину Баренцева моря, причем лучшую. Нет, никто и не почесался! А сколько уже разбазарили вообще?

Невдалеке, посмеиваясь по какому-то поводу, прошли две весьма приглядные молодые жительницы Кунашира.

Крячко проводил их взглядом, по достоинству оценил внешние данные островитянок и вполголоса прокомментировал:

– Ты глянь, какая статья! Никогда бы не подумал, что в этих вулканических краях водятся такие грации. Эти симпатяшки могут дать сто очков вперед сразу всем моделям, вышагивающим по столичным подиумам. Я бы за ними поухаживал! А ты?

Лев Иванович ничего не сказал в ответ, лишь со смехом отмахнулся.

– Нет, вы гляньте на этого притворщика, который вечно корчит из себя бесчувственную мумию! – Стас с утрированным возмущением потряс головой. – Лева, видел бы ты свою физиономию вчера, когда эта девочка припечатала тебя к стенке! Это был взгляд чревоугодника, которому под нос сунули отменную отбивную, одновременно заклеив рот скотчем.

– Ну и какова мораль сей басни? Юмор-то в чем? К чему ты вообще клонишь? – Гуров измерил приятеля вопросительным взглядом.

– А юмор в том, что сухарь ты, Лева! Сухарь! – Крячко с особым удовольствием повторил это слово. – Ты ж, блин, как железобетонная тумба. Об тебя хрупкие женские сердца бьются вдребезги. Вот о чем речь, товарищ аскет! Я прав? Конечно! Один – ноль в мою пользу.

Гуров в ответ лишь усмехнулся и махнул рукой, как бы желая сказать: «Пиши себе хоть десять – ноль, а я остаюсь при своем мнении».

Невдалеке от них пробежала стайка местных мальчишек, галдящих на всю улицу. Горластые островитяне громко спорили, куда лучше отправиться на рыбалку.

– Пацаны, вы тупые, что ли? – размахивая руками, яро завопил лопухий сорванец с разлохмаченной шевелюрой. – Да у Куклашки полный голяк! Туда только лошары отстойные ходят. Витька Струмкин вчера у Зеленого промышлял. Рыба перла как шальная!

– Ой! Нашел кого слушать! – Белобрысый крепыш в спортивной майке с надписью японскими иероглифами язвительно расхохотался. – Витька тебе завтра сочинит, что он на медведя с мухобойкой ходил. Ты и этому поверишь?

Глядя вслед шумливой компании, скрывшейся за углом, Гуров невольно улыбнулся.

– Вот настоящие хозяева Курил, – задумчиво отметил он. – Это для нас Кунашир край света. Для них он центр мира, а край света – Москва.

– Жаль только, что в столице думают иначе, – саркастично добавил Станислав. – Когда поселимся, чем думаешь заняться? У нас же до вечера времени выше крыши сколько. Может, посмотрим окрестности?

– Походим, посмотрим. – Лев Иванович согласно кивнул. – Приехать в такие интересные места и сидеть в четырех стенах – что может быть глупее? – Гуров оглянулся и увидел в некотором отдалении позади себя еще несколько человек с дорожными сумками, которые тоже шли в сторону «Айсберга».

Он кивком головы указал в их сторону и заявил:

– Вот и конкуренты на койко-места в этом отеле! Надеюсь, тут аншлагов не бывает.

В гостинице и впрямь нашлись свободные места. Правда, эконом-класс оказался весь занят, поэтому операм пришлось взять двухместный номер бизнес-класса, для провинции весьма недешевый.

Приятели перекусили в соседней столовой, где в меню преобладали блюда японской и корейской кухни из морепродуктов. Приготовлены они были весьма недурно. Их единственным минусом оказалась несколько кусачая цена.

Потом сыщики вернулись в гостиницу и попросили администратора рассказать о местных достопримечательностях.

Судя по всему, их разговор был услышан.

К ним подошел молодежавый мужчина среднего роста и без особых церемоний предложил:

– Вам остров показать? Ради бога! Я здесь уже пятый раз, исходил весь Кунашир вдоль и поперек.

Как оказалось, это был сотрудник дальневосточного НИИ, занимавшегося изучением биоресурсов Курильской гряды, в том числе и сухопутных. Алексей Зырянский на острове изучал колонии птиц, вел подсчет крупных животных, например медведей, да и морских млекопитающих.

Опера охотно согласились с его предложением, вышли из гостиницы и направились в сторону сопки, откуда был наилучший обзор. Алексей на ходу рассказывал про остров, главный горный хребет которого носил имя Докучаева, про вулканы, в том числе и Менделеева, ближний к Южно-Курильску, у подножия которого располагался аэропорт. Он упомянул про заповедник «Курильский», про настоящее чудо природы – мыс Столбчатый, а также про геотермальную станцию, обогревающую жилые дома поселка.

Приятели с большим интересом осмотрели и старый маяк, и фумаролы – свищи в теле острова, из которых били раскаленные струи пара, и знаменитый Горячий пляж, и многое-многое другое. Как рассказал Зырянский, в последние годы у берегов Кунашира все чаще стали появляться косатки. Эти хищные киты мигрировали в Охотское море из южных океанских широт, скорее всего в связи с общим потеплением.

Лев Иванович выбрал подходящий момент и как бы невзначай спросил Алексея, бывал ли тот на Шумбумаи. Тот охотно подтвердил, что работал в Тихом с полгода назад.

Зырянский проявил незаурядную сообразительность и тут же спросил:

– Я так понимаю, вас интересуют необъяснимые несчастные случаи, которых там уже десятка полтора? Надо думать, из-за этого вас туда и направили?

– Из-за этого. – Стас сокрушенно вздохнул.

– Хорошо. Расскажу вам все, что мне известно. – Алексей кивнул и озабоченно нахмурился. – В общем, насколько я знаю, все началось года три назад. Может, и раньше, только в ту пору эти ЧП происходили реже и воспринимались как обычные несчастные случаи. Где такого не бывает? Потом приключился пожар в квартире хозяина местной механической мастерской по ремонту лодочных моторов. В огне погиб его единственный сын. Вот тогда-то народ и забеспокоился. С чего бы вдруг? Случайно ли все это?

Зырянский рассказал, что поселок Тихий когда-то и в самом деле слыл местом очень спокойным. Но три года назад туда приехали какие-то археологи. Они имели при себе все необходимые бумаги и вроде бы собирались вести раскопки старых айских поселений. Уче-

ные целый месяц шастали по острову с металлоискателями, что-то раскапывали в долине и на сопках.

Шумбумаи – остров небольшой, всего километров пятнадцать в длину, шириной от двух до трех. Его главная особенность – наличие идеальной бухты, где даже в самый сильный шторм можно смело подойти к причалу. На ее берегу широкой подковой и раскинулся поселок Тихий.

В годы Второй мировой войны на острове был размещен какой-то особый японский гарнизон, который вел засекреченные исследования. На Шумбумаи было завезено нескольких тысяч военнопленных в качестве рабов и подопытных кроликов. Из них выжил только один. Этот кореец потом и рассказал о том, что там происходило.

По его словам, на рейде у поселка, в ту пору называвшегося Мидори, то есть Зеленый, стояло на якорях крупнотоннажное японское судно «Оокий синдзо» – «Большое сердце». Для чего оно там находилось и месяцами не двигалось с места, не знали даже младшие японские офицеры. Но всем было известно, что на его борт почти ежедневно отправляли от двух до трех военнопленных, среди которых были корейцы, китайцы и русские. Назад с этого судна уже никто и никогда не возвращался. Затем поздней ночью из высокой трубы валил тяжелый черный дым. На всю округу разносился жутковатый смрад горелой человеческой плоти.

Кроме того, среди узников, содержащихся на острове, ходили слухи, что где-то в толще сопки также есть секретные подземные лаборатории. Они построены руками таких же военнопленных, уничтоженных без остатка после завершения работ. Лучшие японские ученые якобы занимались там какими-то военными разработками. Для сотрудничества с ними на Шумбумаи прибыли несколько немецких физиков. Все, как один, эсэсовцы в чине штурмбаннфюрера. Суть их занятий так и осталась тайной.

В сорок пятом советские войска овладели Курильскими островами на редкость спокойно. Ступив на Кунашир, наши военные увидели командира японского гарнизона с белым флагом, который объявил о том, что его войсковое подразделение капитулирует без боя.

На Шумбумаи советские солдаты вообще обнаружили настоящую пустыню. На месте поселка Мидори стояли только лишь пустые коробки сожженных домов. Здесь не было ни одной живой души!

Продолжив поиски, наши военные нашли несколько свежих захоронений, содержащих в себе сотни трупов людей, расстрелянных наспех. В их числе и был тот молодой кореец, который выжил буквально чудом. Пуля прошла через верхушку грудной клетки, не задев жизненно важных органов. Бульдозер, засыпавший захоронение, обрушил глыбу каменистого грунта на дальний край ямы. Она рассыпалась на крупные комки, которые и дали возможность дышать человеку, заживо погребенному под ними.

– Позже выяснилось, что копатели, замаскировавшиеся под археологов, искали не столько древние айнские поселения, сколько клад адмирала Хаго, – озирая с вершины сопки морской простор, раскинувшийся до самого горизонта, продолжил свой рассказ Алексей.

Тот же кореец сообщил командиру советской части, прибывшей на Шумбумаи, что царем и богом здесь был адмирал Хаго. Он имел абсолютные полномочия и втихаря от своего же императора начал разработку месторождения золота. Жилу нашли во время строительства туннелей в недрах сопки. Адмирал бросил на добычу драгоценного металла немалую часть пленных. Возможно, именно эта алчба, к счастью, и затормозила исследовательские работы секретных лабораторий.

Золота, по словам бывшего пленного, добыто было много. Возможно, даже десятки тонн. Перед самым бегством с острова адмирал Хаго вроде бы приказал зарыть свои сокровища в нескольких местах. Эту работу выполняли военнопленные, которых потом сразу же расстреляли. Какое-то время спустя советские военные водолазы обнаружили на дне бухты взорванный японский военный пароход, в трюмах которого обнаружилось две сотни трупов в форме.

Боевых действий в этих местах не велось. Не было и налетов советской авиации дальнего действия. Поэтому наши военные эксперты пришли к выводу, что судно взорвали сами японцы. Скорее всего, это было сделано по приказу адмирала Хаго, который избавился от охранников, знавших о месте захоронения золота.

Куда делось «Оокий синдзо» – тоже осталось тайной за семью печатями. По некоторым предположениям, на нем скрылся адмирал Хаго, который увез часть своего золота и документацию по секретным военным разработкам, выполнявшимся на острове. Вероятнее всего, он переметнулся к американцам. С ним же в США бежали и физики-эсэсовцы.

Месяц спустя после появления фальшивых археологов на Шумбумаи прибыл оперуполномоченный из Южно-Сахалинска. Кто-то сообщил о странных ученых областному руководству, и там сразу же заинтересовались подозрительными личностями. Но и эти субъекты оказались не лыком шиты. Они вовремя скрылись с острова, угнав катер одного из местных предпринимателей. Впрочем, в тот же день на море разыгрался мощнейший шторм. Местные жители считали, что беглецы, скорее всего, далеко уплыть не успели, отправились на дно вместе с катером.

Со времени бегства так называемых археологов прошло полгода, может – год. Но с какого-то момента поселок Тихий перестал соответствовать своему названию. Трудно сказать, сумел бы кто-то увидеть в цепи несчастных случаев какую-то закономерность или нет. Но вышло так, что за месяц до упомянутого выше пожара по центральной улице Тихого пробежала местная сумасшедшая Зося Жуть. Она истерично вещала: «Японцы лезут из могил! Жуть!»

Правда, в тот момент на Зосины прорицания никто не обратил никакого внимания. Да и с какой стати беспокоиться-то? Она родилась и жила в Тихом, у своей родни, никому не делала зла, лишь иногда устраивала вполне безобидные чудаческие выходки. Каких-то сверхъестественных способностей за ней никогда не замечалось.

Но когда по совершенно непонятным причинам выгорела квартира, да еще погиб парень допризывного возраста, о Зосе вспомнили очень многие. Пошли слухи, один тревожнее другого. Островитяне шепотком повествовали друг другу о том, что души умерших японцев, потревоженные черными копателями, начали мстить тем, кто поселился после войны на этих землях.

– Тут же вспомнились и все другие случаи, – неспешно продолжал свой рассказ Алексей. – Скажем, прямо около берега отчего-то перевернулась лодка, и рыбак тут же утонул. Он всю жизнь провел на море. Ему даже шторм случалось пережить. А тут – в тихую погоду, и сразу ко дну пошел. Молодая женщина из окна выпала. Вроде собиралась его помыть, стала на подоконник и вдруг рухнула вниз головой. При этом она сломала шейные позвонки и спустя сутки умерла. Пропали без вести несколько человек, ходивших собирать бруснику и шикшу, лекарственную ягоду. Тут уже многие запаниковали не на шутку. Несколько семей уехали на материк. Так что сейчас на Шумбумаи обстановка очень напряженная.

– Скажите, а эти вот подземные лаборатории... что с ними сейчас? – поинтересовался Гуров, внимательно слушавший Зырянского.

– Так их же японцы взорвали перед самым уходом, – пожав плечами, пояснил тот. – Входы в подземелья нашли быстро, но они были завалены так, что сразу же стало ясно – без специальной тяжелой техники там ничего не сделаешь. А сюда ее кто повезет? Это ж какие затраты! Да и ради чего? Наши военные еще тогда сделали вывод, что японцы все самое ценное уничтожили или забрали с собой. Никто не захочет тратить миллиарды ради брошенного хлама.

– А ты что же, считаешь, что в тех подземельях мог спрятаться какой-то камикадзе, который дожил до наших времен и теперь надумал заняться вендеттой? – На лице Станислава отразилась гримаса крайнего сомнения.

– Нет, я так не думаю, но интуитивно ощущаю какую-то непонятную взаимосвязь между тем, что происходило на острове в войну, и теперешними трагическими событиями, – ответил Лев Иванович, о чем-то напряженно размышляя.

В гостиницу опера вернулись ближе к закату, донельзя усталые и голодные, но очень довольные состоявшейся экскурсией. Причем не только тем, что им удалось полюбоваться местными красотами. Алексей снабдил их чрезвычайно ценной информацией.

После ужина приятели посидели перед телевизором. Картинка была вполне качественной, однако иногда на экран вторгались какие-то японские каналы. Гуров одним глазом косился на телеэкран и просматривал местную газету «На рубеже». Это было обычное районное издание, но со своей, островной спецификой.

Сыщик находился на краю света. За пределами Курил на восток простирался только океан. Ему было занятым читать об обычных житейских событиях, таких, как ход ремонта местного Дома культуры, уже давно ставшего долгостроем, юбилеях местных старожилов, а также нравах островного бомонда.

Лев Иванович пробежал взглядом цифры вылова рыбы и иных даров моря – кальмара, трепанга, морского ежа и прочего, выражаемые в тысячах тонн, отложил газету и задумался. Это и впрямь был настоящий парадокс. Исходя из нормальной экономической логики, тот же Кунашир уже давно должен быть застроен виллами. Его жители просто обязаны ходить исключительно в нарядах от-кутюр, а на материк летать на собственных самолетах. На деле же все оказалось с точностью до наоборот.

Спать приятели легли довольно-таки поздно – в двенадцать ночи, четыре часа дня по Москве. Как нарочно, именно сейчас земные глубины решили показать им свой крутой нрав. Опера проснулись часа в два от странного ощущения. Им почему-то казалось, что рядом с гостиницей совершенно бесшумно проходит огромный мощный трактор. При этом подрагивает пол и все, что на нем находится. В том числе и койки с людьми, спящими на них.

– Лева, ты очнулся? Это что за хрень такая? Землетрясение, что ли? – недоуменно спросил Стас.

– Наверное, оно и есть, – откликнулся Гуров, поднялся с постели и направился к окну.

Лев Иванович посмотрел вниз и убедился в том, что никто из постояльцев «Айсберга» и не подумал выбежать на улицу в поисках спасения.

Он вернулся назад, улегся, укрылся одеялом и сдержанно прокомментировал:

– Ерунда. Повода для беспокойства нет. Отбой!

Дрожь и впрямь очень скоро прекратилась. Гуров не досчитал и до ста, как снова ушел в мир снов. Открыв глаза утром, он смог вспомнить только какие-то блуждания по сумрачным подземным лабиринтам и странные тени, возникавшие то вблизи, то вдали.

Сыщики уже умылись и позавтракали, когда в гостиницу прибежал вчерашний сержант погранслужбы. Он сообщил им, что через полчаса к причалу должен подойти сторожевой катер, который и доставит их на Шумбумаи. Приятели быстро уложили сумки и немедленно отправились на берег.

Ждать катер московским гостям пришлось несколько дольше обещанного. Как пояснил сержант, подошедший на причал, по пути к Кунаширу пограничниками была замечена подозрительная моторка, которая попыталась скрыться. Поэтому им пришлось сменить курс и ринуться в погоню. Как оказалось, это были браконьеры с одного из соседних островов.

– Ничего страшного, через час с небольшим вы будете на Шумбумаи. Туда что-то около полусотни морских миль, – пояснил пограничник. – А наши катера летают так, что за ними и на каком-нибудь болиде не угнаться.

Он почти не преувеличил скоростные возможности плавсредства, прибывшего через несколько минут. Катер стартовал в спринтерском режиме, вышел из бухты, резко прибавил ходу и помчался со скоростью машины, бегущей по отличному шоссе.

Глядя на Кунашир, исчезающий в синевато-зеленоватой пучине, Крячко сокрушенно помотал головой и с долей удивления констатировал:

– Ну и занесло нас, ешкин кот! С учетом здешних расстояний, мне теперь уже кажется, что и Сахалин пристроился чуть ли не под боком у Москвы.

– Слушай, есть идея! – хитро улыбнувшись, сообщил Гуров сквозь рев двигательной установки. – Давай скажем Петру, что нам тут очень понравилось, поэтому мы решили остаться на острове навсегда.

– А вот это классная мысль! – обрадовался Стас. – Давай разыграем. Идет! Только вот поверит ли он?

– А это уж как подадим. Но мне почему-то кажется, что Петр клюнет, – убежденно сказал Лев.

Вскоре Кунашир полностью исчез за горизонтом. Менее чем через полчаса прямо по курсу из моря начала выныривать далекая, едва заметная полоска суши. Потом опера разглядела, что это небольшой остров подковообразной формы с весьма разнообразным рельефом.

Виднелись пики скал и плоские холмы, поросшие кучерявой древесной зеленью. Скорее всего, здесь, как и на некоторых других островах южной части архипелага, преобладали пихта и тис, магнолия и каменная береза.

На берегах бухты стоял поселок, издавек казавшийся игрушечным. В этой большой деревне было не более трех десятков двухэтажных домов. Все остальные постройки представляли собой небольшие особнячки на две или три квартиры. Впрочем, поселок, уходящий от причала на сопки, выглядел веселым и живописным.

– Как-то даже не верится, что тут может происходить что-то криминальное, – не отрывая взгляда от близящегося берега и пожимая плечами, вполголоса обронил Станислав.

– А уж это как и у людей. Внешность обманчива, – сдержанно ответил Гуров, тоже осматривая берег.

На причале стояли около десятка человек. Следовало полагать, что они пришли встречать катер. Пограничное суденышко сбавило скорость до минимальной и наконец-то пришвартовалось к причальной стенке.

Вперед вышел представительный мужчина и громко поинтересовался:

– Простите, а господа Гуров и Крячко здесь есть?

– Да, это мы, – вскинув сумку на плечо, лаконично откликнулся Гуров.

Он поблагодарил командира катера, рослого капитан-лейтенанта, и его экипаж, потом шагнул на причал.

Здесь сыщик лаконично, без всякого намека на помпу, представился:

– Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска.

Следом за ним на причал ступил Стас, который просиял дружелюбной улыбкой и просто объявил:

– Полковник Крячко из той же самой конторы.

Мужчина, встречавший их, сообщил, что он глава администрации данного поселения, по совместительству – комендант острова, а зовут его Скланцев Эммануил Тимофеевич.

Потом к гостям шагнул полицейский с погонами старшего лейтенанта, козырнул и представился:

– Участковый уполномоченный Андронкин. А зовут меня Анатолий.

– Слава богу, дождались мы вас! – утирая лоб и шею носовым платком, со значением в голосе отметил Скланцев. – Вот вышли встречать всем поселковым активом. Хотели было даже с хлебом-солью, но Анна Васильевна, мой первый заместитель, с учетом ситуации, сочла это

излишним. Как бы... – Глава администрации замялся, подбирая нужное слово, однако Крячко его опередил:

– Абсолютно верная мысль! Мы ведь не космонавты, вернувшиеся с орбиты. К чему какие-либо церемонии?

– Да, откровенно говоря, мы не сторонники шумных мероприятий, – Гуров чуть заметно улыбнулся. – Наша работа не терпит какой-либо рекламы и излишнего афиширования. Тем более что мы пока еще ничего сделать не успели. Вот когда выполним свои обязанности... нет, впрочем, пусть и тогда все тоже будет тихо и незаметно.

Склянцев согласно кивнул и сказал:

– Приятно видеть, что вы, несмотря на свою известность, люди скромные, не склонные к звездности. Сегодня такое нечасто встречается. Что ж, позвольте представить наш актив. Анатолий Евгеньевич уже назвался сам. Могу лишь добавить, что он очень порядочный и добросовестный человек.

При его последних словах Андронкин смущенно хмыкнул и отвернулся, поправляя форменную фуражку.

Далее глава администрации поселка представил своего зама – Анну Чубарову, видную собой женщину средних лет со строгим, прямо-таки чекистским взглядом. Среди встречающих оказались председатель поселкового совета, а также вполне бодрый дед гвардейского роста, с несколькими рядами орденов и медалей, в том числе и «За победу над Японией».

Он подошел к операм, поздоровался с ними за руку и представился:

– Березин Андрей Афанасьевич, возглавляю здешний совет ветеранов.

На причал пришли редактор поселковой малотиражки, местный краевед с бородкой аля Курчатов. Здесь же оказался местный частный детектив – молодой мужчина лет тридцати в клетчатой кепке и темных очках, а также иные представители островного бомонда.

По завершении формальностей Склянцев пригласил всех собравшихся к себе в администрацию. Он заявил, что там, в неформальной, товарищеской обстановке, можно будет коллективно обсудить положение дел, сложившееся на острове, и выработать меры по преодолению негативной ситуации.

Опера переглянулись и одобрили намеченное мероприятие. При этом Гуров добавил, что было бы просто замечательно, если бы оно уложилось в достаточно разумные сроки. Глава администрации поселка с понимающим видом закивал в ответ. Он заверил товарищей из Москвы, что не посмеет злоупотреблять их временем. Беседа едва ли займет больше часа, после чего уважаемых гостей проводят к месту их проживания.

Глава 6

Опера прошли в здание администрации – небольшую, побеленную снаружи аккуратную двухэтажку с большими окнами и позеленевшей шиферной крышей. Они следом за Складенцевым поднялись на второй этаж и оказались в актовом зале. Это просторное помещение было заставлено старыми скрипучими многосекционными креслами. Следом за ними в первых рядах расселись и прочие участники этого актива, собравшегося экспромтом.

Глава администрации поселка в своем вступительном слове обрисовал общее положение дел. Он говорил о серии весьма неприятных происшествий, случившихся на острове и имеющих совершенно непонятную подоплеку. Потом Складенцев предоставил слово Андронкину.

Участковый встал и заговорил, хмуря брови и тщательно выстраивая фразы. По его словам, им была проведена определенная работа по изучению обстоятельств всех происшествий, случившихся на Шумбумаи. Ему не удалось выявить в этом чьего-либо явного злого умысла. Андронкин считал, что все трагедии имели рациональное объяснение. По его мнению, совершенно несерьезно было бы видеть в происходящем что-то криминально-уголовное или тем более иррационально-мистическое.

– Я прошу простить мою, может быть, излишнюю категоричность, но паникерские настроения определенной части жителей нашего поселка выходят за рамки здравого смысла! – с некоторой запальчивостью объявил он под недовольный гул немалой части участников мероприятия. – Разумеется, мое мнение – не истина в последней инстанции. Я сужу, так сказать, глядя со своей колокольни. Понятное дело, я не собираюсь сидеть сложа руки, готов самым активным образом помогать своим куда более опытным коллегам, настоящим профессионалам сыска. Надеюсь, что очень скоро нам удастся докопаться до истины. Но пока что я оцениваю события, исходя из того, чем располагаю.

Следом за участковым выступил председатель совета ветеранов. Этот очень даже неглупый дед во многом не соглашался с участковым.

– Толя, ты подходишь к этому вопросу совершенно формально, шаблонно, – заявил он. – На мой взгляд, в фактах, собранных тобой, ты видишь только то, что лежит на поверхности. А надо бы разглядеть и то, что скрыто гораздо глубже. Знаешь, в войну я был разведчиком и не раз ходил в тыл к японцам. Там, Толя, если мыслишь шаблонно, то проиграешь неминуемо. Цена ошибки непомерно велика. Убьют тебя, погибнут твои товарищи. И наоборот – умение гибко мыслить позволяло нам из пустяка извлекать массу информации. Пошли мы как-то в тыл, пробрались ночью к японскому лазарету. Там мусорка. Залезли мы в нее и нашли кучу пузырьков из-под перекиси водорода. Мой друг Гриша Кульгин, медик по образованию, тут же сообразил, что у японцев множественные случаи газовой гангрены. Что это означало? Их раненные не вылечивались и умирали. Вывод какой? Правильно – им пришлют подкрепление. Именно во время передвижения войска особенно уязвимы. Через пару дней наша авиаразведка засекла транспортную колонну противника. А ее уже ждали! Тут же вылетела эскадрилья пикирующих бомбардировщиков и разнесла колонну в клочья. Улавливаешь, в чем соль? То-то же! Головой надо думать, а не просто носить на ней фуражку.

Участники мероприятия охотно поддержали выступление ветерана. Впрочем, не все. Анна Васильевна в значительной степени разделила точку зрения Андронкина. Она оговори-лась, что мнение фронтовика, безусловно, очень ценно и интересно, тем не менее тоже склонилась к мнению, что цепочка несчастных случаев – всего лишь совпадение. Оно может быть обусловлено чем угодно, вплоть до пятен на солнце, но никак не действиями негодяя, личность которого пока еще не установлена.

– У нас тут населения-то всего около трех тысяч человек, – особо подчеркнула женщина. – Здесь каждый на виду. Я практически всех знаю в лицо. Ну и скажите мне, есть ли

тут хоть один такой вот зверь, способный заниматься душегубством, замаскированным под несчастные случаи? Кто-то может назвать?.. Нет! Отсюда вывод: причина несчастий – личная неосторожность и фактор случайности.

Местный краевед, представившийся как Евгений Федорович Брыгин, с Чубаровой категорически не согласился. Он заявил, что скорее поверит в злодейские проделки самураев, чудом выживших на острове, нежели в сплошные стечения обстоятельств.

– Не слишком ли много в последнее время стало стекаться этих самых обстоятельств? – саркастично поинтересовался он. – Когда прямо у берега утонул Виктор Ржанов, да еще в ясную погоду, я первый сказал, что это убийство. Да, его лодка по непонятным причинам перевернулась. Да, он в одежде и обуви оказался в воде. Но Виктор же не дите малое, не умеющее плавать! Он в такие шторма ухитрялся выжить, что любой другой на его месте давно бы пузыри пустил. А тут – на тебе! Бульк – и нет человека! А те трое, которые по ягоды пошли и один за другим пропали, буквально рядом с поселком? Тут-то какое может быть стечение обстоятельств?

– Так там, в тех местах, где они исчезли, – серное поле со скрытыми фумаролами! – Чубарова всплеснула руками и сокрушенно покачала головой. – Сколько раз уже говорилось, что выходить на серное поле категорически запрещается! Нет, наши люди разумных слов не понимают, экстремалы хреновы. Если им надо пройти к Западной сопке, всегда идут только напрямую. Дескать, ничего, авось обойдется! Не обходится, как видите!..

Гуров какое-то время все это слушал, потом поднял руку и заявил:

– Прошу извинить за то, что перебиваю. Можно подробнее объяснить, что это за серное поле такое?

Анна Васильевна утвердительно кивнула и рассказала, что упомянутая территория – настоящее адское место. Это широкая долина, вытянувшаяся километра на три меж двух каменистых возвышенностей. Скорее всего, когда-то там было жерло вулкана или что-то наподобие. Реальные извержения прекратились давно, может, даже уже миллионы лет назад! Но вся эта местность, покрытая обильными отложениями кристаллической серы, по-прежнему остается раскаленной, как гигантская сковорода. Даже если человек идет по ней в обуви, он всегда ощущает жар глубин.

По своей непредсказуемости и степени опасности для всякого, кто на него ступил, это поле было сродни минному. В тех или иных местах в его недрах вдруг непонятно почему образовывались скрытые фумаролы. Так называются круглые или овальные трясины, наполненные раскаленной жидкой грязью, замешенной на серной кислоте. Выбраться из такой жуткой западни невозможно, даже если кто-то находится рядом.

– Наступишь на такую мерзость и сразу улетишь с головой в эту кипящую грязь, – заявила Чубарова и сочувственно вздохнула. – Человек погибает практически мгновенно. Там же температура градусов под сто пятьдесят! Да еще едкие сернистые соединения. Если тело погибшего не вытащить в течение суток, то потом его искать уже бесполезно. Оно то ли растворяется без остатка, то ли уходит в какую-то бездну.

Одним из факторов, осложняющих ситуацию, было то, что как раз за этой долиной и находились лучшие ягодники острова, раскинувшиеся на склонах сопки Западной. Так-то, в принципе, серное поле обойти можно. Но придется делать крюк километра на четыре, а то и побольше. Да еще по сплошному каменистому неудобью. Вот некоторые торопыги и рисковали жизнью, чтобы срезать угол. Такие прогулки по серному полю не всегда заканчивались благополучно.

– Секундочку, Анна Васильевна! – Краевед снова поднялся со своего места. – У нас есть люди, которые всю жизнь ходят через это поле и до сих пор живы-здоровы. Например, я всегда хожу по этому полю и могу сказать заранее, что мне такая участь не грозит. Почему? Потому, что я его изучил досконально, а трясины чую за десятки метров. Со мной всегда ходят

наши поселчане. Они знают – я куда не надо не заведу. Месяц назад на серном поле пропал Роман Шорохов. Он был настоящий ас, чувствовал его лучше меня. По сути, я его ученик. И вот, глянь-ка, с ним случилось такое несчастье – пошел и исчез. Я в жизни не поверю, что он мог ошибиться! У него чутье на трясины было, как у травленного волка на капкан. Никто не скажет, что он мог пойти туда пьяным. Роман вообще не пил! Как же тогда объяснить его исчезновение? Опять стечением обстоятельств?!

– Позвольте и мне добавить! – Вальяжно поправляя очки, с места поднялся мужчина и представился: – Эдуард Рыдалов, детективное агентство «Улика». За последний год в Тихом зафиксировано пять случаев смерти от внезапной, ничем не объяснимой остановки сердца. Все умершие на сердце до того никогда не жаловались и отличались отменным здоровьем. Все пятеро почему-то умерли с десяти вечера до двенадцати ночи. Не правда ли, это весьма странно?

Гуров постарался избежать даже намека на иронию и с абсолютно серьезным видом поинтересовался:

– Вы официально оформлены как частный детектив или это, скажем так, своего рода хобби?

– Скорее хобби. – Эдуард изобразил улыбку Шерлока Холмса, знакомую всем по известному телесериалу с Василием Ливановым в главной роли. – Вообще-то я по своей основной специальности стоматолог. В частном порядке лечу и вставляю зубы. Ну а детективом стал просто для того, чтобы не помереть со скуки.

– Ну и как, это удастся? – спросил Стас и přátельски улыбнулся.

– В какой-то мере. Да и не только мне. Мои расследования дают пищу для массы пере-судов, народу не скучно, поэтому все довольны. Кстати, у меня уже есть последователи. Трое старшеклассников местной школы тоже обзавелись клетчатыми кепками и темными очками. Надумали было и трубки курить, но я им запретил и думать об этом. Ничего, послушались.

– А вы не могли бы предоставить нам результаты своих исследований в письменном виде? – снова спросил Лев Иванович, игнорируя недоверчиво-снисходительные улыбки кое-кого из присутствующих.

– Сегодня к вечеру будет готово! – охотно пообещал Эдуард.

Участники мероприятия, оживившись, разом загомонили и загалдели. Судя по этой реакции, частный детектив и в самом деле был неординарной личностью. Кто-то хохмил по поводу не совсем удачного расследования, проводившегося Эдуардом в плане проверки супружеской верности какого-то местного коммерсанта, кто-то требовал в официальном порядке наложить запрет на деятельность Рыдалова. Поскольку время шло, а участники актива все никак не могли наговориться, Склянцеву пришлось призывать их к порядку.

Слово взяла редакторша малотиражного издания «Край света». Она выдвинула предположение о том, что происходящее может быть следствием террористической деятельности японских националистических организаций, яро требующих возвращения Курил, да и криминального сообщества якудза, которое тоже одержимо подобными настроениями. Дама заявила, что якудза уже пыталась через подставных лиц прибрать к рукам контрольный пакет акций местного предприятия по переработке рыбы и иных морепродуктов.

На саркастичное междометие Анны Васильевны редакторша, уязвленная недоверием, ответила так:

– Я знаю человека, который видел аквалангиста в японском легководолазном костюме у Кривого мыса. Когда он там рыбачил, из воды у самого берега вынырнул какой-то тип, хотел было выбраться на сушу, но заметил постороннего и тут же снова ушел на глубину.

– Этому вашему знакомому пить надо меньше! – Склянцев язвительно хохотнул. – Петя Косячок рассказал, да? Известная байка! Пограничники все потом досконально проверяли и даже близко не нашли хоть какого-то намека на присутствие чужаков. К тому же этот Петя

шесть разных мест показывал, где якобы видел аквалангиста. Везде валялись кучи бутылок, оставленных им самим. Что же касается предприятия по переработке рыбы, то привлечение иностранного капитала и вправду планируется. Уже сейчас прорабатывается соглашение с японскими фирмами о продаже им сорока процентов акций.

– Эммануил Тимофеевич, вы говорите о тамошнем бизнесе, а я – об организованной преступности! Может быть, официально зарегистрированные компании потому и подключаются к делу, что за ними стоит якудза? – парировала редакторша, не желая сдаваться.

Слушая ее суждения, Лев Иванович мысленно отметил, что не такие уж они и бредовые. Наверняка стоило бы связаться со старым знакомым, полковником ФСБ Вольновым. Не исключено, что есть тут моменты, находящиеся в его компетенции. Кстати, а когда же конец заседания? Вроде бы замахнулись на час, а тут уже второй на исходе!

Как будто прочитав его мысли, глава поселка взглянул на часы и объявил:

– Закругляемся, уважаемые коллеги! Я считаю, что дискуссия, прошедшая здесь, как нельзя лучше показала нашим уважаемым гостям проблематику, тревожащую нас. Я думаю, нам предстоит увидеться еще не раз, чтобы обсудить назревшие вопросы. А пока я попросил бы Анну Васильевну показать Льву Ивановичу и Станиславу Васильевичу апартаменты, отведенные им. Спасибо за внимание и за участие в работе нашего актива!

– Да-да, идемте! – Чубарова поднялась со своего места и изобразила приглашающий жест. – Сейчас мы разместим вас в нашем гостевом домике. Рядом находится столовая. Она принадлежит предприятию «Палтус», но у нас с ними есть договоренность о том, чтобы уважаемые гости не затрудняли себя расходами на питание.

Лев Иванович вскинул сумку на плечо, потер лоб кончиками пальцев и осведомился:

– А удобно ли это? В принципе, мы получили командировочные, так что жить нам есть на что.

– Лев Иванович! – Стас толкнул его в плечо. – Есть хорошая русская народная мудрость: дают – бери, бьют – беги. Так что давай будем соответствовать правилам, неоднократно проверенным жизнью.

– Станислав Васильевич, вы абсолютно правы! – просияв обаятельнейшей улыбкой, заявила женщина. – Здесь у нас народ душевный, простецкий. Если что не так – скажут в глаза, без заугольных шепотков. Даже если кто что-то и не по-нашему сделает, гостей у нас, конечно же, уважают, тем более таких значимых для нашего поселка. Надеюсь, вам у нас понравится!

Выходя следом за ней на крыльцо, Крячко с интригующими нотками в голосе негромко сообщил:

– А мне у вас уже очень нравится. Здесь такие красивые островитянки – просто фантастика! Разумеется, в самой полной мере это относится и к вам!

– Ой, ну что вы! – Анна Васильевна приятно порозовела и смущенно рассмеялась. – Мне уже давно никто не делал комплиментов.

– Ну и ну! – укоризненно возмутился Стас. – Это что ж у вас тут за мужчины, если не замечают то, чего никак нельзя не увидеть – красоты, обаяния, изящества?!

Лев Иванович шагал следом и слышал разговор, доносящийся до него, который моментально вошел в русло откровенного флирта и явно был по душе обоим собеседникам.

«Ну и чертяка! Ему бы только юбку увидеть! Сразу, как говорится, не отходя от кассы, начал охмурять дамочку. Вот ведь бабник!» – не мог не отметить Гуров.

Они минут пятнадцать шли по живописной местности. То здесь, то там между домами высились скальные глыбы самого разного размера. В глаза бросалось обилие всевозможной зелени. Уроженцы субтропиков мирно соседствовали тут с представителями сибирской тайги.

У калитки белого домика с красной крышей из металлочерепицы орудовала метлой какая-то женщина почтенного возраста. Наверное, она прибежала сюда совсем недавно.

Увидев гостей и поселковую начальницу, работница приветливо поздоровалась с ними и громко доложила:

– Уже доканчиваю мести, Анна Васильевна! Сейчас пойду в дом и быстренько все там расставляю. Я на днях убиралась. Так, кое-что по мелочам не успела.

– Хорошо, Валентина Семеновна, занимайтесь! – заявила Чубарова и благосклонно кивнула. – Давайте, дорогие гости, позволим ей закончить работу. Пока наша комендантша будет убираться в доме, мы можем посидеть вон там. – Она указала на ажурную деревянную беседку в небольшом яблоневом саду.

Тот был разбит с задней стороны дома и огорожен оцинкованной железной сеткой.

Проходя мимо яблони, увешанной поспевающими плодами, Стас не удержался и сорвал самый крупный.

– Какая вкуснятина! – восхитился он, с аппетитным хрустом впиваясь в яблоко зубами.

– Сад в вашем распоряжении, – пояснила Анна Васильевна, тоже запасаясь краснобоким даром природы. – Какой-то японский сорт. Лев Иванович, берите, пробуйте!

Сидя на лавочке и демократично хрустя яблоками, собеседники вновь вернулись к тем событиям, из-за которых московские гости и появились на острове Шумбумаи. Собственно говоря, первым об этом упомянул Гуров. Он попросил Чубарову рассказать о самых первых здешних чрезвычайных происшествиях.

– С чего же, по вашему мнению, началась эта черная полоса? – осведомился Лев Иванович.

Анна Васильевна немного подумала и с некоторым сомнением в голосе произнесла:

– Какой же трудный вопрос вы мне задали! Как же вам сказать-то? В памяти отложился приезд тех жуликов, прикинувшихся археологами, и его последствия. Знаете, я человек не суеверный, но с того времени и в самом деле многое изменилось далеко не в лучшую сторону. Теперь чаще налетают сильные ветра и шторма, зимы стали холоднее. С людьми происходит больше несчастных случаев. Но по-настоящему я поняла, что у нас и в самом деле не все ладно, в позапрошлом году. Тогда у нас один за другим пропали без вести три человека.

Как далее рассказала Анна Васильевна, все эти исчезновения пришлось на летний сезон и происходили примерно через месяц. Разумеется, жители Тихого этим были очень встревожены. Глава администрации поселка Склянцев и участковый Андронкин организовали поисковые группы, которые прочесали весь остров. В итоге удалось выяснить, что двое пропавших, скорее всего, стали жертвами фумарол, бесследно канув в их раскаленные кислотные недра. Поисковая группа, возглавляемая Брыгиным, оба раза находила проломы, исходящие кислотным паром в серовато-желтой корке серного поля. А вот куда делся третий – никто так и не смог понять.

– Это Борис Цымасов, сын завуча нашей местной школы, – Чубарова чуть приглушила голос. – Ее единственный ребенок. Правда, парень отличался большими странностями. Его в поселке крепко недолюбливали. Он был весь из себя, эдакий принц датский, который на всех чихать хотел. Кстати, иные его так и звали. С подначкой, конечно.

По словам Анны Васильевны, после школы Борис поехал во Владивосток, хотел поступить в университет, но не прошел по конкурсу. А в те вузы, куда его брали, он не пошел сам. Дескать, учиться вместе с плебеями – ниже его достоинства. Борис растратил деньги, взятые с собой, и вернулся в поселок.

Но в Тихом делать ему было нечего. Здесь имелось только небольшое профтехучилище при рыбоперерабатывающем предприятии. Он о нем и слышать не желал. Так Цымасов и шалберничал в одиночку, целыми днями без дела шлялся по поселку и его окрестностям. Иногда парень коротал время со своей подружкой Маришкой Кусако. Анна Васильевна сказала, что эта молодая разведенка была по-собачьи предана своему Борюсеньке. Настоящих друзей

в Тихом у него никогда не было. Ранее он поддерживал кое-какие приятельские связи с двумя одноклассниками, но те уехали учиться.

И вот в позапрошлом году, через двенадцать месяцев после возвращения из Владивостока, Борька Цымасов куда-то пропал. Искали его почти неделю, но без всякого результата. Последний раз парня видели на берегу у Кривого мыса. Такой же скучный и угрюмый, как и всегда, он сидел с удочками в весельной лодке. Хотя потом кто-то говорил, будто заметил, как Борис якобы взбирался на одну из ближних сопок.

– Пока жив был – недолюбливали, как пропал – жалеть начали, – припоминая события той поры, неспешно рассказывала Чубарова. – Его матери люди очень сочувствовали. Отца у них нет давно. Где он и что с ним – никто не знает. Приезжие они. Алла Фоминична одна его растила. Люди собирались написать коллективное письмо на телепередачу «Битва экстрасенсов», чтобы хотя бы те сказали, что же с Борькой произошло. Но Алла Фоминична возражала. Мол, не надо. Сын погиб, и ничего с этим не поделаешь. Что было еще?.. Той же осенью истопник поселковой котельной сам себя без видимых причин истыкал ножом. Когда его нашли, он уже умер от кровопотери. Потом, зимой, молодой работник «Палтуса» упал, можно сказать, на ровном месте и разбил себе голову. Через три дня умер. Санитарную авиацию мы вызвали, но из-за штормовой погоды она добраться до нас не смогла. Ну и дальше, раз в два-три месяца, а то и чаще, кто-то погибал, кончал с собой или пропадал без вести.

– Да уж, тут поневоле невесть что начнешь думать, – выслушав Анну Васильевну, заявил Станислав и сокрушенно вздохнул. – Поверишь и в неупокоенные души, и в пришествие злых инопланетян, и в японских диверсантов.

В этот момент к беседке подошла уборщица и громко сообщила:

– Анна Васильевна, все готово! Гости могут размещаться.

Опера прошли в домик и с удовлетворением отметили, что там чисто прибрано и вполне уютно. Они распаковали сумки и следом за Чубаровой отправились в столовую.

Минут через пятнадцать гости острова подошли к достаточно просторной постройке с большими окнами, рассчитанной не менее чем на сто пятьдесят посадочных мест. Столовая была возведена рядом с длинным двухэтажным кирпичным баракom, в котором и размещалось предприятие по переработке рыбы. Об этом же свидетельствовал и интенсивный специфический запах, разносящийся по всей округе.

Обед в столовой уже закончился, но для гостей острова нашлось и первое, и второе, и даже отличный компот не совсем обычного вкуса. Заведующая столовой, которая оказалась дочерью Ржанова, того самого погибшего рыбака, лично принесла гостям обеденные приборы и заверила их в том, что местные жители в них верят и готовы помочь чем угодно. Лишь бы они смогли выявить истинные корни бед, свалившихся на островитян.

После обеда приятели расстались с Анной Васильевной, которая отправилась по своим служебным делам. Они решили для начала еще раз хорошенько расспросить участкового обо всех бедах, свалившихся на жителей поселка, а затем встретиться с краеведом Брыгиным. Да и с частным детективом Рыдаловым тоже.

Прямо из столовой сыщики отправились в служебный кабинет Андронкина, обустроенный в угловой квартире двухэтажного дома, с выходом прямо на улицу. Тот уже собирался уходить оттуда, увидел гостей, с некоторой неохотой достал из кармана ключи и отпер дверной замок, только что защелкнутый. По его кислотоватому виду было трудно судить, рад он прибытию своих коллег или, наоборот, расстроен этим обстоятельством.

Опера прошли следом за ним в кабинет, увешанный должностными инструкциями и разными наглядно-агитационными материалами. Там стояла пара скамеек, стол с парой стульев, шкаф для бумаг и сейф. На столе был раскрыт потертый ноутбук. На сейфе пылилась старая пишущая машинка «Москва».

Стас посмотрел на нее, усмехнулся и заявил:

– Какой раритет! Еще годится для работы?

– Работает! – Андронкин махнул рукой. – Электричество-то у нас здесь от своей дизельной станции, а лет ей уже много. Как сломается – все, начинается каменный век, без света сидим. Документы оформлять приходится на этой штуковине. Жаль, красящих лент к ней сейчас нигде уже не достанешь.

– Анатолий, нам нужна вся полнота информации по каждому несчастному случаю и по любому человеку, пропавшему без вести, – деловито произнес Гуров, присаживаясь на скамейку.

– Вас понял. – Участковый кивнул и подошел к шкафу. – Часть материалов дам вам прямо сейчас, остальные найду к завтрашнему утру. Так пойдет?

– Вполне! – согласился Лев Иванович и тут же спросил: – Скажите, Анатолий, вы давно здесь работаете? Вы вообще местный?

– Нет, я с Итурупа. – Андронкин ностальгически улыбнулся. – По тутошним понятиям, это почти как для вас материк. Я после учебки года два работал там. Потом здешний участковый вышел на пенсию и уехал с семьей в Корсаков. Вот меня и направили на Шумбумаи. Уже четыре года здесь. Тут и женился. У нас двое детей, ждем третьего.

– Не тянет в родные места? – спросил Станислав.

– Тянет, но уже привык и в Тихом. Жена у меня домоседка, с острова ее буксиром не вытащить. Пробовал с ней завести разговор, мол, а не махнуть ли нам на Итуруп? Так она сразу в лоб: «Езжай! Я с детьми останусь здесь!» Вот так, что хочешь, то и делай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.